

Людмила Козлова

Уроборос

Избранное. Том 5. Повести

Людмила Максимовна Козлова

Уроборос. Избранное.

Том 5. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178438

ISBN 9785449030948

Аннотация

В пятый том «Избранного» вошли повести, написанные в период с 1990 по 2001 гг., в новой редакции – с дополнениями и уточнениями. Уроборос – в переводе с греческого: истина и познание в одном лице, Змей, кусающий себя за хвост, – символ техногенной цивилизации, эволюционирующей по очередному замкнутому кругу. Что такое наш мир и что есть человек в этом сиюминутном и вечном мире – сквозная тема всех повествований данной книги.

Содержание

Афганская рапсодия (История любви, записанная в книге Жизни)	6
Потерявшая прошлое. Повесть	102
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Уроборос

Избранное. Том 5. Повести

Людмила
Максимовна Козлова

© Людмила Максимовна Козлова, 2018

ISBN 978-5-4490-3094-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Козлова Людмила Максимовна. – Избранное т. 5 –

«УРОБОРОС» – Повести – 2018 г. – 386 с

В пятый том «Избранного» вошли повести, написанные в период с 1990 по 2001 г., в новой редакции – с дополнениями и уточнениями. Уроборос – в переводе с греческого: истина и познание в одном лице. Змей, кусающий себя за хвост – символ техногенной цивилизации, эволюционирующей по замкнутому кругу. Что такое наш мир и что есть человек в этом сиюминутном и вечном мире – сквозная тема всех повествований данной книги.

Редактор и рецензент Николаев Н. М.

© Л.М Козлова, современная российская проза, 2018 г

© Издательство «РИДЕРО», 2018 г

Афганская рапсодия (История любви, записанная в книге Жизни)

Воинам-афганцам г. Бийска посвящается

Повесть основана на событиях, произошедших в конце 80-х годов прошлого века, но сходство с реальными людьми случайно.

Часть первая. СРЕДИ СКАЛ

Потерянный мир. Шехерезада

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Он дома, в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна.

– Шехерезада... – откуда-то издалека пробилась ленивая мысль.

Лёгкие ткани, то струясь одной волной, то распадаясь

на летучие лоскуты, обвивали стройные ноги. Лейтенант, не отрывая глаз, следил за плавными движениями точёных рук и тонких бёдер. И вот – бесконечная минута объятия! Лишь когда Шехерезада уже была не в силах терпеть муку желания, они соединились, и он так любил её в лунном свете, что, казалось, сам воздух, пропитанный страстью, слился с юными любовниками, благоухая и светясь, словно плоть Луны.

Лейтенант очнулся. Сквозь плывущую перед глазами пелену медленно проявились серые громады утёсов, пробился рокот горных вод и гортанные крики ворон. Солнце немилосердно жгло, превращая всё, даже скалы, в тягучий зной. Сознание снова медленно угасло. Прекрасный образ Шехерезады заполонил мир.

Картина вторая

Весь день лейтенант был занят разными мелкими делами огромная пачка не разобранный корреспонденции для комиссариата, несколько писем для печати, пара готовых посланий для отправки факсом...

За окном сияло солнце, синицы пели звонкие песни, чуя тёплое дыхание весны. Всё видел и слышал лейтенант, улыбался людям, улыбался синему небу. Но там, на далёком

плане – всё время ощущал, что дома его ждёт ясноглазое счастье, его жена. Казалось, ещё вчера они были женихом и невестой. Лейтенант скользнул глазами по тексту и приготовился отправить факс. Случайный взгляд в окно заставил его вздрогнуть – там, на тротуаре, около киоска стояла юная девушка. Издалека она казалась похожей на Шехерезаду настолько, что он не смог удержаться, чтобы не взглянуть на незнакомку поближе.

Взяв папку с бумагами, походкой делового мужчины лейтенант вышел на улицу и двинулся по тротуару навстречу видению.

Девушка рассеянно смотрела по сторонам, видимо, кого-то ожидая, и абсолютно не обратила внимания на лейтенанта. Незнакомка, действительно, была копией Шехерезады, и отличалась от оригинала только цветом волос и одеждой. Такой Шехерезада была в десятом классе, ещё в школе.

Лейтенант, потрясённый увиденным, повернул за угол коммисариата и вошёл чёрным ходом в свой кабинет. Словно магнит, притягивала его картинка за окном – эта внезапно возникшая ниоткуда загадка.

Девушка, скучая, прохаживалась туда-сюда, поглядывая на часы, а лейтенант с любопытством ждал, кто же придёт

на свидание. Время словно остановилось. Мысленно он подгонял минуты – так не терпелось увидеть финал.

Прошла целая вечность, так показалось лейтенанту, прежде чем появился ожидаемый объект. Это был молодой мужчина, почти юноша. Он бежал со стороны автобусной остановки, размахивая букетом цветов... Лейтенант прилип к стеклу, стараясь как можно лучше рассмотреть юношу. Этот элегантно одетый мальчик кого-то напоминал ему, но кого?

Вот он приближается, машет рукой. Девушка в ответ делает то же. Вот они, взявшись за руки, уже стоят рядом друг с другом, почти соприкасаясь губами. И тут лейтенант, теряя ощущение реальности, осознал, что видит свою копию.

Ничего не понимая, в страшном волнении, смотрел на эту сцену, словно во сне наблюдая, как он сам общается с двойником Шехерезады. Сознание отказывалось объяснять происходящее. Юная парочка, обнявшись, двинулась вдоль тротуара, удаляясь от комиссариата. Лейтенант лихорадочно думал, что же нужно сделать, чтобы понять то, что увидел. Инстинктивно набросил китель, вышел на улицу и двинулся вслед за влюблёнными. Он не знал, как поступит дальше, но чувствовал, что не может упустить из виду своего двойника.

Два юных существа, совершенно не подозревая, что за ними кто-то следит, беззаботно шли в сторону набережной. Лейтенант, как привязанный, двигался вслед за ними.

Он наблюдал весь стандартный репертуар влюблённых – разговоры ни о чём, смех, объятия, поцелуи... Парочка прошла вдоль набережной, посидели на лавочке. Юноша купил мороженое для дамы.

Наконец, влюблённые сели в трамвай и поехали в сторону новостройки. Лейтенант последовал за ними. Он не знал, чего хотел, но понимал, что не может просто так потерять их из виду.

Они вышли на остановке около ресторана «Север» и двинулись к большому дому, огороженному высоким забором. День уже клонился к вечеру, солнце разлилось по горизонту малиновым заревом. Уже появились на востоке первые бледные звёздочки.

Двойник Шехерезады, эта беззаботная юная особа, попрощалась со своим спутником и исчезла за тесовыми воротами. Однако он не торопился уходить. Стоя у забора, прислонившись к белым узорчатым дверцам, чего-то ожидал. Быстро темнело. Далеко на горизонте взошла огромная багровая луна.

Наконец, юноша двинулся вдоль забора к развесистому

тополю, ветви которого протянулись к освещённому окну дома. Легко и быстро взобрался по стволу дерева и, пробравшись по толстым веткам, оказался у самого окна. Створки открылись изнутри, лейтенант увидел двойника Шехерезады. Она подала руку и втащила своего спутника в окно – такова была награда за его долгое ожидание. Лейтенант кинулся к дереву и оказался напротив освещённой комнатки, увидел, как его двойник бросился на постель, укрытую кружевным одеялом. И тут, не понимая, как это происходит, лейтенант мгновенно переместился в юное тело своего двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вдохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна.

– Шехерезада... – всплывает ленивая мысль... – Шехерезада...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза – перед ним было то же каменное ущелье, заполненное вязким палящим зноем. Всё тело болело, рук он не чувствовал. Скосив глаза, увидел, что руки вывернуты назад, накрепко привязаны к столбу – значит, давно потеряли чув-

ствительность. Изю всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир закружился, сворачиваясь в бесконечный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и стал приближаться, раскрываясь прекрасным волшебным цветом.

Картина третья

Лейтенант проснулся поздно, услышал звуки дня, голос жены, звон посуды на кухне, чириканье воробьёв. Быстро вскочил. У него много дел, несмотря на то, что сегодня выходной. Нужно успеть в десять мест. Но сначала, конечно, в магазины выбрать подарок для жены ко Дню рождения. Умылся, выпил кофе и, выйдя во двор, сел в свой голубой «Москвичок» – машина ночевала прямо на улице, гараж далеко, до него семь вёрст киселя хлебать.

Он любил водить машину, любил быструю езду, но в городе по узким улочкам не разбежишься. В универмаге было душно, тесно, толкалось много народу. Лейтенант внимательно осмотрел все отделы, где можно купить что-то подходящее, но ничего не нашёл.

В старом универмаге выбор богаче, но для подарка ничего не попадалось. В магазине «Мелодия» лейтенант долго рассматривал пластинки – любимого женой болеро Ра-

веля не обнаружилось. Он не терпел ходить по магазинам, и стал уже уставать от прилавков, вещей, суеты, решил выйти, немного отдохнуть на воздухе. Купил мороженого, устроился на сиденье в машине, открыл дверцу. Холодное пряное мороженое было очень кстати – лейтенант проголодался.

Случайно брошенный направо взгляд привёл его в шок – он увидел стоящую около высокого крыльца магазина юную девушку. Издалека она так была похожа на Шехерезаду, что лейтенант чуть не выпрыгнул из машины и не побежал к ней. Но что-то в её облике остановило его – девушка была яркой блондинкой. Длинное тёмное пальто модного покроя, казалось, сидело на ней совершенно иначе – слишком неприступно, слишком гордо выглядела она. Шехерезада никогда не бывала такой. Или он просто увидел её со стороны?

Через пять минут девушка помахала кому-то рукой. Проследив её взгляд, лейтенант увидел молодого человека в чёрном костюме, который направился к двойнику Шехерезады. Взявшись за руки, обнявшись, они подошли к синему «ВАЗу». Лейтенант с ужасом осознал, что юноша, который садится в машину, точная его копия. Сам не понимая зачем, он включил зажигание и двинулся следом за синей машиной. «ВАЗ» мчался по Чуйскому тракту мимо соснового бора – в сторону Катуня. Проехав совсем немного, автомобиль свернул направо и остановился на диком пустынном пляже,

на берегу реки.

Парочка влюблённых расположилась возле машины. Разостлав яркий тент на траве, они вытащили всё, что привезли и, разложив съестное, принялись за трапезу.

Лейтенант из-за густых кустарников облепихи наблюдал за пиршеством. Потом юная парочка загорала. Видно было, что им хорошо вдвоём. В общем, люди отдыхали, не подозревая, что кто-то следит за ними. Несколько раз лейтенант уже подумывал уехать, но сознание подсказывало – он не может просто так упустить их из вида. День пролетел как-то очень быстро. Лейтенант с сожалением вспомнил, что ничего из намеченного сегодня не выполнил.

Далеко на горизонте взошла огромная луна. Её багровый диск напомнил ему что-то былое, случившееся, может быть... вчера?

Копия Шехерезады достала из машины яркое одеяло. Бросив его поверх тента, девушка легла посередине и раскинула руки. Юноша, упав на колени, стал раздевать её. То, что произошло дальше, лейтенант не смог осознать. Он мгновенно переместился в тело своего двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Жен-

ский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девичья фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна.

– Шехерезада... – откуда-то издалека пробилась ленивая мысль.

Красочные ткани, то струясь одной волной, то распадаясь на летучие лоскуты, обвивали стройные ноги, ... Шехерезада...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье, заполненное вязким палящим зноем. Всё тело болело, руки вывернутые назад, накрепко привязанные к столбу, давно потеряли чувствительность. Скосив глаза, увидел невдалеке ещё три столба и привязанных к ним ребят – солдат первогодков из своей части. Избитые, распухшие лица, губы – сплошная короста. Гинастёрки изорваны в лохмотья, залиты кровью. На одном из столбов в ожидании сидит большая ворона. Лейтенант изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл страшную картину реальности.

Картина четвёртая

Комиссариат гудит – пришёл приказ о направлении де-

сяти офицеров для исполнения интернационального долга в Афганистане сроком примерно на год. Никто не называет имени страны – это секрет, но все его знают. Знают о том, что предлагать будут каждому – сначала идёт набор добровольцев. Если не наберут десяти человек, тогда...

Лейтенант сразу решил – не уклоняться. Причина к этому серьёзная – жена на первом месяце. Когда он вернётся, как раз родится первенец. Он хотел быть в это время дома. Если отложить отъезд сейчас, то когда придёт второй приказ, уже нельзя будет отказаться, и жена с малышом останется одна на целый год. Но как-то она примет его решение? Он надеялся, что поймёт правильно, ведь жена военного должна быть готова ко всему. Лейтенант вздохнул и отправился в кабинет, где записывали добровольцев.

– Ты всё продумал, молодожён? – спросил капитан Иванов. – Ну, тогда пишу тебя третьим. Двое уже есть.

Лейтенант вернулся на своё место, сел за стол, задумался. Неясная тревога заполнила маленькую комнатку и не давала остановиться мысли на чём-то конкретном. Казалось, где-то далеко открылась бездна. Гуляющий в её глубине смерч, такая живая воронка, затягивала пространство и время, а с ними и его лейтенанта, мальчишку, ничего не успевшего ещё сделать в жизни. Случайный взгляд в окно заставил вздрогнуть – на углу соседнего здания, стояла юная особа на роликовых коньках с маленьким портфелем в руках Издалека она

так напоминала Шехерезаду, что лейтенант чуть было не выскочил на улицу, чтобы спросить, как она здесь оказалась.

Внешнее сходство было поразительным.

Лейтенант вышел из здания, проследовал мимо незнакомки, внимательно глядя ей в лицо. Если бы не цвет волос, то можно было легко обознаться.

Лейтенант вернулся в комиссариат и решил больше не тратить времени на пустяки. Однако взгляд его, как прикованный, возвращался и возвращался к двойнику Шехерезады.

Он решил увидеть того, кого так терпеливо ждала незнакомка. Минуты через три к девушке направился молодой человек в кожаной куртке. Что-то знакомое сквозило в его походке. Когда молодые люди повернулись к комиссариату, лейтенант ахнул – юноша был точной его копией. Оправившись от шока, он увидел, что юная парочка удаляется и скоро потеряется в толпе.

Выбежав на улицу, сел в машину и последовал за влюблёнными, временами останавливаясь, чтобы не перегнать их. Молодые люди беззаботно двигались вдоль тротуара, болтая и обнимаясь на ходу. Копия Шехерезады остановилась, присела на скамейку, сняла ролики. Юный красавец примостился рядом. Они долго разговаривали, прижавшись плечом к плечу, читали вместе какую-то книгу, смеялись, опять

обнимались, целовались. Чувствовалось, что общаться они могут день и ночь – им это не надоест. Лейтенант уже устал ждать, но что-то не давало ему уехать. Он постоянно ловил себя на мысли, что наблюдает за собой, сидящим на лавочке с Шехерезадой. Несколько раз его одолевали сомнения – он спрашивал себя, не сон ли это? Но тут же мелочи грубой действительности – запах бензина от проходящих автомобилей, пыль на стекле, разнообразный шум улицы – убеждали его, что всё происходящее совсем не сон.

Наконец, живые копии Шехерезады и лейтенанта поднялись со скамейки и отправились вдоль проспекта, явно имея в виду какую-то цель. Надвигались сумерки. Над горизонтом всплыл величавый огромный багровый диск луны.

Юная парочка направилась к студенческому общежитию. Лейтенант следовал за ними и остановил машину у того подъезда, куда вошли влюблённые. Спешно покинул автомобиль и внутри здания двигался буквально по пятам за своими подопечными. Они завернули за угол коридора и пропали в комнате под номером «12».

Лейтенант почти бегом вылетел на улицу, обогнул здание и, вычислив окно комнаты номер «12», остановился напротив. Штора на окне была задвинута не до конца. Из-за неё виднелось большое зеркало. В нём лейтенант увидел Шехерезаду. Она стояла возле кровати почти обнажённая – только прозрачная сорочка чуть прикрывала её юное девическое

тело.

Из глубин зеркала, словно факир, появился его собственный двойник. То, что произошло дальше, лейтенант не смог осознать – как в кино, он переместился в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна.

– Шехерезада... – откуда-то издалека явилась ленивая мысль.

Красочные ткани, то струясь одной волной, то распадаясь на летучие лоскуты, обвивали стройные ноги... Шехерезада...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье, только зной уже пошёл на убыль. Солнце садилось за кромку скал. Тело болело так, что казалось, нельзя вынести и минуты. Невдалеке всё те же три столба и привязанные к ним ребята из его части. Живые или нет? Понять невозможно. Попробовал назвать одного из них по имени, хотел крикнуть: «Иван!» Но не услы-

шал собственного голоса. Язык присох к гортани и не повиновался ему.

Если бы удалось освободить руки! Но об этом и мечтать не приходится – каждое движение вызывает такую боль, что сразу же темнеет в глазах и сознание норовит исчезнуть в глубинах этой невыносимой жгучей волны.

Лейтенант, словно сквозь сон, вспоминал, как вчетвером отправились они на войсковом УАЗике за почтой в ближайшее селение. Двигались проверенной сто раз дорогой, поэтому сильно не опасались. Отъехав километров десять вдоль реки Гильменд, решили искупаться – зной буквально выжигал всё живое. Солдаты спустились к воде, а он остался стеречь машину.

Назад ребята не вернулись через условленные пятнадцать минут. Он, подхватив автомат, двинулся вниз, но тут же почувствовал ствол, упёртый в спину. Их долго и зверски били. Казалось, отбили всё. Время от времени один из «духов» говорил на гортанном ломаном русском: «Примите ислам, станете нашими воинами. А нет – убьём как собак!»

Лейтенант изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир снова закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл собою ущелье, ворон, живых или мёртвых ребят, привязанных к столбам, и краешек багряно-

го солнца, скатывающийся за рваную кромку серых скал.

Картина пятая

Лейтенант прощался с женой дома. За ним должна была прибыть машина. Через час он откроет дверь, спустится по лестнице, махнёт рукой жене, стоящей на балконе, и исчезнет на целый год.

– Не переживай, – говорил он бодро, – не успеем оглянуться, как этот год пройдёт. За то меня уже больше не отправят в горячие точки, если сам не захочу. Войны там нет, мы едем только для поддержания порядка.

Лейтенант и сам верил тому, что говорил – у него не было другой информации. Потом в жестоких боях среди скал, где, казалось, и камень мог предательски выстрелить в спину, он не раз вспоминал этот момент прощания. Каким наивным он был тогда!

Раздался протяжный сигнал – машина прибыла, пора! Он обнял, поцеловал жену, сказал, вдруг разом охрипнув: «Если без меня родится сын, назови Славиком. Если дочь... – он запнулся, – именем моей мамы». И побежал вниз по лестнице, словно падая в пропасть.

На улице оглянулся. Жена стояла на балконе, маленькая, одинокая. Лейтенант крикнул: «Дочь назови Шехерезадой!»

Машина тронулась, многоэтажка поплыла в сторону, исчезла из вида... Вот и всё!

На перроне он нашёл и офицеров и солдат-первогодков, уже принявших присягу. Рядовые не знали, куда их направляют. Они должны прибыть в Новосибирск, а оттуда с военного аэродрома к месту службы. В таком виде до них был доведён приказ.

Офицеры держались отдельной кучкой, шутили, смеялись, курили. Лейтенант тоже закурил. Случайный взгляд в сторону заставил его вздрогнуть. По перрону в обнимку с юношей, одетым в спортивный костюм, шла девушка, как две капли воды, похожая на Шехерезаду. Сходство было настолько сильным, что в первый момент лейтенант чуть не бросился за нею вслед. Молодые люди быстро двигались вдоль перрона, явно намереваясь выйти на привокзальную площадь. Скоро он потеряет их из вида. Но юная парочка вдруг свернула налево и направилась к пятому соседнему купейному вагону. Тёплая волна радости захлестнула лейтенанта. Он и не ждал такого щедрого подарка напоследок. Девушка, так похожая на Шехерезаду, поедет с ним в одном поезде. Может быть, он найдёт её и сможет поговорить.

Когда поезд тронулся, лейтенант сказал старшему, что в пятом вагоне находится его знакомая, и отправился на поиски Шехерезады. Он нашёл юную парочку в крайнем ку-

пе. Они сидели друг против друга вдвоём, ели мороженое и увлечённо болтали. Дверь купе была открыта. Лейтенант остановился в коридоре так, чтобы в настенном зеркале видеть лицо девушки.

Вот юноша пересел к ней, обнял её за плечи. Лейтенант оторопел – мальчик был его точной копией. Они сидели рядом, обнимались, целовались... Лейтенант, словно замороженный, наблюдал эту живую картину и не мог никуда уйти, не узнав... Чего? – спросил он себя. И не сумел ответить. Одно было ясно – он не может уйти и всё! В какой-то момент лейтенант почувствовал, что дрогнуло пространство и как будто сдвинулось время. То, что произошло после, трудно было осознать. В мгновение ока он переместился в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна.

– Шехерезада... – откуда-то издалека всплыла ленивая мысль.

Лёгкие ткани, то струясь одной волной, то распадаясь

на летучие лоскуты, обвивали стройные ноги... Шехрезада...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье, только над рваной кромкой чёрных скал висел неправдоподобно огромный и яркий диск луны. Ночь поглотила зной, воздух остыл. Было даже холодно, как всегда в горах, когда скроется солнце. Тепло болело так, что казалось лучше умереть, только бы избавиться от этой колючей, жгучей, выворачивающей все внутренности боли. Невдалеке всё те же три столба и привязанные к ним ребята из его части.

Двое из них пошевелились, подняли головы – значит, живы. Лейтенант хриплым шёпотом произнёс: «Ребята, не соглашайтесь на ислам. Заставят убивать наших. Если слышите, кивните». Оба рядовых кивнули. «Иван жив?» – из последних сил хрипел лейтенант. Парни покачали головами.

– Значит, отмучился, – отозвалось где-то в душе тихим эхом.

Помолчали. Собравшись с силами, лейтенант выдавил шёпотом: «Мужики, приказываю выжить!»

Он пытался удержать ясность сознания, но силы были израсходованы – мир снова закружился, сворачиваясь в серебристый рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл собою ущелье, залитое

голубым светом луны.

Картина шестая

Ранним утром поезд подходил к Новосибирску. За окнами мелькали фонари, освещённые окна многоэтажек, красные и зеленые сигнальные огни светофоров. Колёса стучали на стыках и железных узлах рельсов, то сливающихся, то разбегающихся в разные стороны в причудливом дорожном танце. Включилось радио, и вагон наполнила широкая красивая мелодия болеро Равеля.

– Как по заказу, – подумал лейтенант.

Он вспомнил последнюю картинку из прошлой – теперь уже прошлой, вчерашней жизни: маленькая беззащитная фигурка жены на балконе...

Поезд резко затормозил и остановился. Раздалась команда всем выстроиться на правой стороне привокзальной площади. Лейтенант торопливо пробрался вдоль вагона, спрыгнул на перрон. Он искал глазами Шехерезаду.

Вот она идёт к выходу в город. Рядом, конечно, её спутник, его собственный юный двойник. Сердце прыгало в груди так, что лейтенант боялся – вдруг проходящая мимо Шехерезада услышит этот жуткий гул. Но она проследовала мимо – в недра подземного перехода. Лейтенант шёл за ней, изо

всех сил давил в себе желание – протянуть руку и погладить блестящие волосы девушки. Через первый этаж вокзала они выбрались на площадь.

Здесь уже толпились офицеры и рядовые, подтягиваясь к правой стороне, строясь в колонну. Лейтенант глазами следил за Шехерезадой, уходящей всё дальше и дальше от него, не мог, ну просто не мог оторвать взгляда от её гибкой фигурки в сиреновом брючном костюме. Его юный двойник обнял девушку за талию. И тут лейтенант, не понимая, как это произошло, переместился в его тело.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

– Шехерезада... – всплыла ленивая мысль... – Шехерезада...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье. Солнце только-только высунулось на востоке из-за рваной кромки скал. Серый

джип с открытым верхом и пятнистой маскировкой на боках стоял неподалёку. На заднем сиденье брошенные друг на друга, как вещи, лежали оба рядовых. Тело Ивана всё также было привязано к столбу.

– Примешь ислам, станешь воином, – услышал лейтенант знакомый хриплый голос, но сил хватило только на то, чтобы чуть приподнять голову. Это движение было истолковано как согласие.

– Кори! – крикнул афганец и заговорил на пушту. Его подчинённый, подойдя к столбу, стал развязывать верёвки. Это длилось так долго, словно вечность стояла за плечами тощего чёрного «духа». Когда были развязаны последние узлы, стягивавшие руки, лейтенант на долю секунды понял, что такое настоящая боль. В следующий миг он снова потерял сознание. Образ Шехерезады возник из центра огромной белой розы, развернулся вместе с её лепестками, заполонил весь мир, благоухая и светясь.

Картина седьмая

На привокзальную площадь прибыли КАМАЗы с крытым верхом. Офицеры и рядовые расселись на скамейках внутри фургонов. Путь предстоял недлинный – военный аэродром находился всего в восьмидесяти километрах от города.

Дорогой лейтенант смотрел на мелькающие мимо сосновые и берёзовые массивы, думал о Шехерезаде. Он помнил её с младшей группы детского сада. Ему казалось, он знал её всегда, может быть, ещё до своего рождения. И любил её всегда. В школе они сидели за одной партой все десять лет – красивая татарская девочка и русский мальчик. Засыпая дома, он видел во сне, как наяву, её любимые глаза. Все в школе привыкли, что они неразлучны.

Разлука пришла после окончания десятого класса. Лейтенант поступил в Красноярское высшее военное училище, а Шехерезада провалила экзамены в Красноярский университет. Родители настояли на её возвращении в Бийск. Лейтенант и Шехерезада поклялись, что всё равно не расстанутся. Она приезжала в Красноярск, он – в Бийск на каникулы. В тот же год она поступила в Бийский пединститут. На четвёртом курсе стала такой ослепительной красавицей, что лейтенант и днём и ночью бредил, повторяя её имя. Конечно, они собирались пожениться.

Быть вместе, совсем вместе, им пришлось только один раз. Всего полдня настоящего сияющего счастья.

Произошло это в их любимом городе Бийске. На следующий день лейтенант уехал сдавать выпускные экзамены. Больше им встретиться не довелось. Лейтенант вернул-

ся в Бийск после распределения, чтобы забрать Шехерезаду с собой, но её уже не было. Она уехала тоже по распределению в казахский город Балхаш. Встретила в аэропорту его теперешняя жена Марина. Опустив глаза, тихо сказала: «Шехерезада не вернётся сюда – она вышла замуж. Её муж тоже педагог, и они уехали вместе». Лейтенант не помнил, как пережил несколько часов до отлёта к месту назначения. Марина всё время была рядом и улетела вместе с ним.

Его первым местом службы был таёжный посёлок на берегу Амура. Потом Марина с помощью своего отца (он работал во властных структурах) добилась, чтобы лейтенанта направили в Бийский гарнизон. Случилось это через два года разлуки с Шехерезадой. Как он выжил без неё, знал только он сам. Да ещё Марина.

А теперь? Что теперь... С военного аэродрома на большом сверхзвуковом транспортнике офицеры и рядовые отправились к месту исполнения интернационального долга. Через четыре часа лёта их высадили недалеко от Кандагара. Многие были отправлены ещё дальше на юго-восток, вдоль границы. Лейтенанта оставили в районе Кандагара.

Вечером того же дня лейтенант решил ознакомиться с обстановкой вокруг военного городка. На войсковом УАЗике с провожатым, старослужащим, он отправился осмотреться

на местности. Скучная растительность, скалы, бедные сакли, лепившиеся к серым гранитам, голые дети, играющие в пыли – всё это поразило лейтенанта. Он даже попросил сопровождающего остановиться, вышел из машины и направился к одной полуразрушенной сакле. Навстречу ему из темноты жилища вышла женщина в чадре с откинутой вуалью. Она была смугла, но при первом же взгляде лейтенант увидел, как она похожа на Шехерезаду.

Следом за ней появился молодой худой парень с горящими глазами, наверное, муж. Лейтенант снова поразился сходству, но теперь уже с самим собой. Это наваждение преследовало его и здесь – Шехерезада и его собственный двойник. Парень взял Шехерезаду за тонкое запястье и повёл внутрь землянки. Не осознавая, как это произошло, лейтенант в один миг переместился в тело своего двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вдохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна.

– Шехерезада... – откуда-то из глубин сознания всплыла ленивая мысль.

Лёгкие ткани, то струясь одной волной, то распадаясь на летучие лоскуты, обвивали стройные ноги... Шехерезада...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза. Джип пробирался по каменистой дороге вдоль берега реки. Лейтенант не смог определить, где они находятся. Здесь ему не доводилось бывать. В джипе кроме него и «духов» никого не было. Наверное, ребят повезли в другое место. Серые скалы, громады мощных утёсов, тряская дорога, боль, пронизывающая тело, жажда – всё это навалилось на лейтенанта удушливой волной какой-то нечеловеческой тоски. Он вдруг понял, почему собаки воют на луну.

– Куда меня везут? Зачем я им нужен? Всё равно убьют рано или поздно. Скорее бы.

Он закрыл глаза, мир поплыл, скатываясь куда-то вправо и закручиваясь, словно бумажный рулон. Только яркий образ Шехерезады остался таким же, как и всегда, в его сознании. Лейтенант улыбнулся своей любимой страшными чёрными разбитыми губами.

Картина восьмая

Лейтенант получил приказ продвигаться всем подразделением вдоль реки Гильменд в направлении северо-востока.

Затем на широте Урузгана свернуть на восток. Там на первом перевале душманы захватили селение скотоводов, вырезали мужчин. На очереди дети мужского пола. Группировка бандитов около пятидесяти человек – вооружены автоматами, гранатомётами, УЗИ. Передвигаются на джипах. Ведут себя нагло, отпора не ожидают.

Лейтенант решил добираться на перевал на «вездеходах» – так называли здесь наши «брэзентухи» – другая техника не пройдёт, даже БТРы. Двинулись через полчаса после получения приказа, загрузившись боеприпасами под самую завязку. В городке от всего взвода остались только трое – повар, дежурный и сторожевая собака.

Это был не первый для лейтенанта бой. За десять месяцев его военной жизни в Афгане в пятый раз шёл он навстречу врагу. Но снова, как всегда, что-то сжалось внутри не то в сознании, не то в груди, как пружина стальная, заведённая до отказа. Он знал – самое страшное это ожидание. Время от приказа до начала боя – мёртвая зона. Когда начнётся бой, будет, как ни странно, легче. Наверное, потому, что уйдёт ожидание смерти, некогда будет думать – нужно только действовать.

К захваченному селению подобралась ночью. Лейтенант считал, что это хорошо. Конечно, у «духов» выставлены посты, но всё-таки ночь есть ночь. В темноте легче подойти по-

ближе, значит, меньше будет потерь. Потери – такое странное слово. Потери – это убитые люди, его подчинённые, военные друзья, почти братья.

Абсолютно бесшумно взвод продвинулся вплотную к селению – сказывались постоянные тренировки. Лейтенант отдал приказ стрелять только в тех, у кого оружие. Шквал огня грянул, словно бешеная летняя гроза. Душманы быстро сориентировались, отвечали мощными залпами. Кто-то из них пытался бежать на джипах, но колёса по приказу лейтенанта уже были прострелены. При попытках завести мотор стрельба шла по бензиновым бакам. Пылали уже несколько машин.

Но вдруг с тыла началась прицельная стрельба – снайпер. Упал командир первого отделения Лозовой.

– Ранен? – крикнул лейтенант.

– В руку, – отозвался пареньь.

Лейтенант перетянул ему рану эластичным бинтом из полевой аптечки, и пополз, обходя с тыла точку, откуда бил снайпер. Совершенно инстинктивно, без участия сознания, лейтенант определил цель – снайпер замолк. То там, то сям всё ещё раздавались автоматные очереди, что-то на своем языке кричали «духи», небольшая группа, человек пять бандитов, всё-таки вырвалась и ушла в горы. Это был самый удачный бой – ни одного погибшего, хотя несколько ребят были ранены. Орден Боевого Красного Знамени лейтенанту вручили именно за эту операцию. Когда взвод в полном со-

ставе вернулся в городок, был настоящий праздник – словно общий семейный День Рождения.

Лейтенант после этой вылазки, никому ничего не говоря, вышел за ворота и пешком направился к той сакле, где видел Шехерезаду. Он знал, что не сможет ей ничего рассказать, им не дадут поговорить. Может быть, она и не поймёт, зачем он пришёл, но это было выше его сил – ноги сами несли его к Шехерезаде.

Она сидела на низкой скамеечке и что-то стряпала. На этот раз на ней было шёлковое яркое сиреневое платье с орнаментами, бегущими по плечам. Блестящие волосы, забранные узлом, сияли на солнце. Она обернулась и улыбнулась своей ослепительной улыбкой. Лейтенант видел, чувствовал, что она узнала его. Узнала ли его, начиная с того мальчишки из детского сада, или только взрослого, теперешнего? Какая разница – главное, она *узнала*.

В дверях сакли появился её муж – живая копия лейтенанта, его двойник, его мусульманский близнец. Он снова, как и тогда, взял Шехерезаду за руку и повёл в дом. Лейтенант рванулся за своей любимой, но тут же в один миг, словно в кино, переместился в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он до-

ма – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна.

– Шехерезада, – всплыла ленивая мысль. – Шехерезада...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел каменное ущелье. Притулившись к скалам, там и сям стояли низкие постройки, напоминающие казармы. Это был военный лагерь «духов». К машине приблизился высокопоставленный чин – всё указывало на его особое положение: богатая одежда с украшениями, оружие с инкрустацией, важная походка.

Он как на дикого зверя уставился на лейтенанта. Потом сказал на сносном русском:

– Будешь поваром и оружейником. Бежать некуда – кругом скалы на пятьсот вёрст. Искать тебя не будут. Ваши уже отправили твой гроб в Россию. В нём казнённый русский. Мы изрезали его на куски, он пытался бежать. Хочешь жить, работай. Побежишь – казним и тебя.

Душман отвернулся равнодушно и медленно поплыл прочь. Лейтенант, сжавшись в комок, осмысливал только что сказанное. Значит, его уже похоронили. Для Марины, для

матери и отца – он мёртв. Для его дочки, маленькой Шахини, тоже. И только для Шехерезады он всё ещё жив. Она, конечно, ничего не знает в своем далёком Балхаше. Но лейтенант был уверен – даже если Шехерезада узнает, всё равно не поверит.

Значит – вечный плен и вечное рабство? Неужели так? Он был уверен, что сможет бежать. Он должен увидеть свою дочь и Шехерезаду. Вот немного отойдёт от побоев и издевательств и уйдёт в горы. Лучше смерть от голода на воле, чем медленное угасание в рабстве.

Самое обидное то, как он попал в плен. Двумя днями раньше мог уже улететь домой – срок службы закончился, но его друг, лейтенант Сергеев, уехал на трое суток в Кандагар по вызову начальства, поэтому пришлось остаться.

Он сразу позвонил Марине и сообщил, что задержится, но только на три дня. «До скорой встречи! – сказал он жене. Она как-то трудно вздохнула, будто знала, что встречи не будет. И всё это – лишь из-за почты. Так хотелось привезти ребятам письма из дома.

Сзади неслышно приблизился один из «духов», что-то крикнул на пушту и ударил лейтенанта прикладом автомата. Боль нахлынула резкой волной, потемнело в глазах. Мир поплыл и закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Глаза и улыбка Шехерезады заполонили мрачное серое ущелье.

Картина девятая

Раны от зверских побоев постепенно затянулись. Но синяки не проходили – доброхоты постоянно добавляли новых. Били, чем попало – тем, что было в руках.

Били за всё – за то, что не понимал их языка; за то, что пытался отвечать, когда кричали на него; за то, что волей не волей приходилось тратить на раба пищу; за то, что нужно было поить его водой...

Спать давали мало. Постелью служила каменная яма. Каждый считал своим долгом плюнуть в его сторону, пнуть при случае побольнее. Он был прокажённым, неверным, которому уготована только медленная смерть. И это несмотря на то, что он варил им пищу, мыл посуду, стирал их одежду, приводил в порядок оружие.

Лейтенант внешне никак не реагировал на издевательства. За год жизни среди чужого народа, когда в любой миг могут выстрелить в спину, он привык быть готовым ко всему.

Лейтенант понимал, что быстро одичает. Необходимо бежать. Бежать, несмотря ни на что. Горы могут убить его, но могут дать шанс на жизнь. Пока о побеге нечего и мечтать – надо ждать, когда «духи» отправятся на масштабную вылазку. В лагере останутся только дежурные, и этот момент он обязан использовать по полной программе. Любым путём

нужно узнать, *где* находится лагерь, как называется ущелье, чтобы сообразить, в каком направлении двигаться при побе-
ге.

Несколько раз ему удалось услышать слово Дарвешан. Один из «духов» при разговоре постоянно указывал рукой на восток. Лейтенант понял, что город находится именно там. В Дарвешане действует официальная власть, нужно будет добираться туда. Если река, на которой стоит лагерь, это Гильменд, то до города примерно шестьдесят-семьдесят километров. Но по горам путь в два раза длиннее.

Лейтенант понимал, что идти предстоит через горную пустыню, что у него не будет пищи, воды и одежды. Смерть пойдёт за ним по пятам. Наверное, не избежать и погони. Он был готов на всё. Только бы скорее!

Через пятеро суток «духи» вечером двинулись из лагеря. Когда затих звук моторов, лейтенант находился в оружейном бараке – разбирал и чистил автоматы. Барак, похожий на тюремную камеру, имел только одно уязвимое место – окно, расположенное под самым потолком на высоте примерно трёх метров, затянутое плёнкой. Выходило оно на восток – там обрыв. Насколько он крут, и есть ли шанс остаться в живых, если выбраться через окно, лейтенант не знал. Но это был единственный путь на волю.

Лейтенант привалил несколько автоматов к стене. Они образовали подобие опоры. Один автомат он взял за ствол. С разбега поднялся по наклонному нагромождению и забросил ремень автомата за выступ на каменном подоконнике. Подёргал за ствол – крепление выдержало нагрузку. И вот он уже оседлал подоконник и заглянул вниз.

Обрыв был почти отвесным. Только далеко внизу маячили заросли какого-то кустарника. Они образовали нечто, напоминавшее объёмную сеть, живую террасу. Лейтенант решил спускаться. Развернув ремень, он зацепил его так, что автомат оказался висящим уже снаружи. Ухватившись за эту ненадёжную опору, лейтенант сполз вдоль стены барака, коснулся ногами каменистой поверхности.

Собравшись с силами, отпустил ствол и быстро заскользил вдоль почти отвесной скалы. Ему удавалось временами цепляться за каменные выступы, а потом началась осыпь, и лейтенант, ударившись о щебень, уже сползал вниз вместе с каменной массой вплоть до кустарников. Страшными усилиями удерживал сознание до тех пор, пока не остановилось скольжение по осыпи.

Увидев над головой закатные краски неба, лейтенант отключился. Мир уже привычно свернулся бумажным рулоном. Живой образ Шехерезады возник из глубин пространства и заслонил собою каменное ущелье. На этот раз его соб-

ственный двойник не появился. Вместо него рядом с Шехерезадой оказался лейтенант.

Впервые за всё время разлуки он сам видит её.

– Шехерезада, – шепчут непослушные губы, – Шехерезада...

Лейтенант открыл глаза, увидел ночное небо. Фантастически огромные южные звёзды мерцали в бархате тьмы. Он по-прежнему лежал на холодном щебне перед террасой из кустарника. Сколько времени прошло с тех пор, как он потерял сознание, неизвестно. Скорее всего, около часа. Здесь темнеет быстро после захода солнца. Наверху, в лагере, не было слышно ни звука. Может быть, дежурный до сих пор не знает о побеге. Лейтенант встал и двинулся вдоль полосы кустарников, ища проход вниз – ко дну ущелья.

Спускался долго, скользя и падая на каменные плиты. Но вот спуск закончился. Он остановился в раздумье. Прикинул, что ждёт его, если двигаться по ущелью. Этим путём, скорее всего, пойдёт погоня.

Решил подниматься, во что бы то ни стало, по противоположному склону. Во-первых, за каменными уступами в случае надобности легко укрыться. Во-вторых, нужно выиграть время. Пока погоня рыщет по дну ущелья, можно успеть подняться на вершину. При таком раскладе шансов уйти от «духов» намного больше.

Картина десятая

Лейтенант карабкался вверх и вверх, приликая к скалам, как ящерица. Когда воздух уже не хотел питать надсаженные немислимыми усилиями лёгкие, лейтенант начинал задыхаться, приходилось останавливаться и отдыхать, почти висая на каменных громадах.

Онемевшие руки и ноги, избитое о камни тело протестовали против любого малого движения, но сознание гнало его вверх – к вершине. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем лейтенант достиг своей цели. Там, на плоском горном перевале, он понял, какое это блаженство – просто лечь на спину и лежать, раскинув руки и закрыв глаза.

Через пять минут лейтенант встал и двинулся по горному плато, которое, изогнувшись, словно дракон, устремилось именно на восток, в сторону далёкого Дарвешана. Пить хотелось так, что он не мог думать ни о чём другом. Временами казалось, что откуда-то доносится гул реки. Лейтенант знал, что его путь лежит по безводной горной пустыне, но всё-таки каждый раз, слыша воображаемый рокот вод, он начинал оглядываться, ища глазами реку.

Забрезжило утро. Двигаться дальше при свете дня было опасно. Лейтенант добрался до нагромождения скальных пород, забрался в узкую щель, прикрытую сверху каким-то по-

лусухим кустарником. Несмотря на жажду, терзавшую его всё сильнее, он всё-таки через несколько минут уснул.

Лейтенант увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

– Шехерезада... – откуда-то из глубин сознания выплыла ленивая мысль... – Шехереда...

Лейтенант проснулся оттого, что солнце достало его своими безжалостными лучами. Губы обметали горячка и жажда – лейтенант не мог открыть рта. Тело затекло от неудобной позы.

Солнце стояло в зените и немилосердно жгло. Казалось, кто-то шулки ради сфокусировал через лупу его лучи именно в том месте, где прятался в каменной щели лейтенант. Даже нагромождение сухого кустарника над головой не спасало – тени почти не было.

Лейтенант смотрел в бездонный сияющий провал неба и наблюдал, как высоко-высоко парит, раскинув крылья, ед-

ва видимый в синеве коршун. Его чёрный силуэт выписывал круги, постепенно приближаясь к центру – видимо, внизу, на земле была обнаружена добыча. Птица терпеливо и плавно кружила над ней, выжидая удобной минуты. Вот коршун почти вертикально упал и скрылся за каменными громадами скал.

Лейтенант закрыл глаза. Он потерял много сил, и сейчас ему трудно было даже просто смотреть в небо. Солнце проникало и сквозь закрытые веки – чистое алое зарево стояло перед глазами. Но через некоторое время алый цвет ушёл и засиял золотой, переливающийся бело-серебряными бликами. Раскалённый воздух, казалось, извлекал последние остатки влаги из лёгких, каждый вдох и выдох давались с трудом.

Жажда, перейдя свой апогей, как бы перестала ощущаться, и лейтенант забыл о ней. Он понимал, что к вечеру может не выдержать зноя. Впадать в бредовое состояние не хотелось, да и не имел он права на это – вдруг во время бреда выдаст себя неосторожным звуком или движением. А вдруг погоня уже идёт по пятам, и афганская овчарка уже вышла на след. Лейтенант всё-таки не заметил, как снова уснул, а может быть, улетел в провал угасающего сознания.

Картина одиннадцатая

Лейтенант совершенно отчётливо видел, как идёт по извилистой тропинке к бедной сакле, прилепившейся к серой громаде скалы. Из тёмного провала двери выходит ослепительная Шехерезада. Она одета в платье, похожее на индийское сари и украшенное драгоценными жемчугами, бриллиантами, самоцветами. Платье сверкает всеми цветами радуги. Сияют и огромные глаза Шехерезады.

Её улыбка, словно магнит, притягивает лейтенанта, и он идёт к ней. Нет, он летит, а рядом с ним в хрустальном просторе неба – Шехерезада. Они долго плавают среди облаков, как невесомые пушинки, не чувствуя притяжения земли, держась за руки, словно дети.

– Шехереза-да-а-а-а... – кричит лейтенант, – я люблю тебя!

– Д-а-а-а... – откликается далёкое звонкое эхо.

Лейтенант знает, что ни одной секунды, даже доли секунды, не сможет прожить вдали от этой, такой родной и такой печальной улыбки. Он будет смотреть на Шехерезаду всю жизнь и всё равно не насмотрится.

Нет, они не расстались, разъехавшись в разные стороны. Лейтенант знал всей кожей, сердцем, душой, что Шехерезада чувствует то же самое. Только сейчас, летая с нею среди

белых облаков, он понял, что сделал всё не так. Он должен был поехать в тот далёкий город Балхаш и увезти её от кого бы то ни было, потому что кроме них двоих не могло быть никого третьего. Почему он так ошибся? Почему?

Лейтенант очнулся, когда солнце лишь ярко-малиновым краешком выглядывало из-за скал. Зной ушёл, и дышать стало легче. Только очень болели запекшиеся и потрескавшиеся губы. В каком-то отчаянном восторге наблюдал он, как раскалённый кусок светила медленно погружался в тёмные каменные массы гор. Казалось, Чёрный Дракон глотает драгоценный самоцвет, и рубиновый свет пока ещё вырывается из его бездонной глотки, но уже безнадёжно уходит в просторы жадного чрева и вот-вот исчезнет навсегда.

Яркий рубиновый блик магически притягивал взор лейтенанта. Он с сожалением пытался глазами удержать этот живой кусочек, этот маленький остаток дня. Впереди ночь. Что-то она принесёт?

Лейтенант рискнул выбраться из каменной щели, когда уже совсем стемнело. Странно, но ему не хотелось покидать своё неудобное убежище, которое всё же сохранило целый день жизни.

Растерев занемевшие руки и ноги, лейтенант двинулся в путь. Перед ним раскинулась фантастическая сумрачная

панорама – острые рваные вершины скалистых гор сверкали, словно антрацит, отражая свет ярких огромных южных звёзд. Справа и слева от узкого плато, по которому уходил на восток лейтенант, зияли чёрные провалы горных ущелий. Стараясь шагать как можно быстрее, лейтенант не забывал прислушиваться к звукам, иногда доносившимся из бесконечности неведомого и враждебного пространства.

Особенно его внутренний слуховой сторож улавливал звуки, несущиеся сзади – оттуда более всего можно было ожидать опасности. Хотя не исключалось, что погоня может оказаться и впереди – «духи» знали все горные тропы и могли выйти наперехват, чтобы отрезать ему путь на Дарвешан.

Организм как-то уже свыкся с тем, что влага уходит из клеток и, видимо, включил механизмы компенсации – лейтенант, подобно верблюду, шел через пустынные горы, забыв о жажде. Он слился с окружающим ландшафтом, превратился в его часть, почти стал диким существом, чувствующим малейшие изменения, витающие в ночном воздухе. Время от времени он снова слышал невероятно реальный гул несуществующей реки. Вода неслась поверх гладких валунов, огибала самые большие из них и пела волшебную песню живых струй. Казалось, совсем рядом недалеко внизу гудит быстрая горная река. И этот многоголосый гул звал, приглашал спуститься вниз, уйти с пустынной, выжженной солнцем гривы.

Лейтенант двигался дальше лишь усилием воли – он знал, что здесь нет реки. Водные потоки несутся по ущельям только во время проливных дождей. Чтобы преодолеть наваждение, лейтенант останавливался, прислушивался с чуткостью волка к безднам пространства и убеждался, что гул реки – это слуховой мираж. Может быть, он возникал из шума крови, напряжённо гонимой сердцем по тесным артериям и венам. Может быть, этот мираж рисовал мозг, требующий воды для страдающих от жажды клеток.

Далёкое и тоже призрачное эхо, хранящее шелест имени «Шехерезада», лишь оно одно звало лейтенанта вперёд. И он шёл по горной пустыне, бросая своё тело с каждым шагом туда, где за скалистыми вершинами прятался Дарвешан – его надежда на спасение. Несколько раз стаи пещерных летучих мышей пикировали прямо на него, но, убедившись, что добыча им не по зубам, отлетали прочь.

Наконец, движение приобрело характер автоматизма, и лейтенант шёл и шёл, как заведённая машина, уже не обращающая внимания на призрачные образы, лишь продолжая чутко слушать пространство. Он не заметил, как забрезжил рассвет. Мрак ночи уступил место серому сумраку, панорама гор раздвинулась, горизонты ушли вдаль.

Каменистое плато, круто развернувшись, ушло на юг.

Лейтенант знал, что хребет в этом месте образует почти петлю. Это удлиняло путь, но попытка сократить его, требовала спуска по обрывистому бесконечному склону и такого же непредсказуемо опасного подъёма по скалистым выходам гранитов. Лейтенант решил не делать этого.

Сейчас необходимо было снова найти убежище на день, отдохнуть и поспать по возможности. Он осмотрелся, выбрал узкое, закрытое колючими кустарниками, углубление в скалах и, продираясь сквозь завесу игольчатых ветвей, забрался внутрь этой маленькой пещеры. Сегодня солнце не достанет его даже в полдень. Может быть, удастся хорошо выспаться.

Картина двенадцатая

Несмотря на тяжёлую, какую-то нечеловеческую усталость, уснуть сразу лейтенанту не удалось. Загустевшая кровь напряжённо пульсировала в висках. В ушах как будто бился механический звук работающего мотора. И только через некоторое время этот металлический звук превратился в тонкий серебряный звон, и лейтенант уснул, улыбаясь детской счастливой улыбкой.

Во сне он снова летал вдвоём с Шехерезадой среди жемчужных невесомых облаков. На одно из них они уселись, словно на лавочку, и сидели, болтая ногами, глядя вниз

на далёкую зелёную весеннюю землю. Взявшись за руки, они смотрели в глаза друг другу, сливаясь в единое целое в этом взгляде. И новое единое счастливое существо, превратившись в Ангела, со скоростью света летело в глубины космоса среди сияющих звёзд и разноцветных планет.

Космос – царство безмолвия, но для Ангела, глазами которого на мир смотрели сразу два человека, космос звучал как серебряный орган. Объёмный гул медленно вращающихся огромных светящихся дисков, спиралей – звёздных галактик, пение летучих комет, голоса странствующих метеоритов и серебряные трубы других Ангелов – всё это сливалось, звучало волшебной мелодией.

Но вдруг на крутом повороте возле красивой цветной планеты Ангел вновь разъединился, породив два существа. И лейтенант увидел на фоне летучих светил Шехерезаду – Ангела. Она держала в руках прямоугольный белый кусок шёлка. На нём сияла надпись большими арабскими буквами. Шехерезада махала лейтенанту рукой и указывала на эту надпись.

Лейтенант понял, что необходимо прочесть сияющую вязь слов, но он не знал арабского языка. Он понял значение этой минуты: если прочтёт – выживет, выберется из гор, встретится с Шехерезадой. Если не сможет...

Вглядываясь до слёз в четыре светящихся живым сирене-

вым огнём строки, лейтенант пытался усилием воли открыть глубинные кладовые памяти, где наверняка прятались знания арабского языка. Но память не откликнулась, не реагировала на его зов. И надпись на белом шёлке молчала. Шехерезада-Ангел стала медленно отдаляться от лейтенанта. Сиреневые мерцающие буквы, уменьшаясь в размерах, постепенно сливались в яркое пятно.

Лейтенант всей душой рвался вслед за Ангелом, но не мог сдвинуться с места – его притягивала планета, рядом с которой он висел в бархате тьмы, похожий на пришпиленного мотылька. Он оглянулся на жестокую планету, разлучающую его с Любимой, и узнал её – это была Земля. За это мгновение Шехерезада растворилась среди сонма звёзд и навсегда унесла с собой волшебную надпись.

Лейтенант проснулся и услышал далёкий лай собаки. Что значит этот лай, он осознал несколькими секундами позже – образ удаляющейся Шехерезады всё ещё стоял перед глазами. Чувство страшной невозвратной потери переполняло сердце и заставляло его стучать в бешеном ритме. Но сознание уже подсказало – вольная жизнь для лейтенанта закончилась, может быть, навсегда.

Лай приближался. Лейтенант, быстро выбрался из своего убежища и бросился вниз по склону. Почти отвесные ска-

лы не обещали благополучного спуска, но другого пути уже не было. Скользя и падая, хватаясь ногтями за острые каменные выступы, лейтенант не спускался, а почти летел навстречу верной смерти. Любая промашка – и на дно ущелья свалится груда костей. Сколько времени продолжалось это кувыркание вдоль вертикальной каменной стены, лейтенант не знал. Когда он оказался внизу, руки его и лицо превратились в кровавое месиво. Всё тело было избито, изодрано, но боли он не чувствовал. И всё-таки, очутившись внизу, потерял сознание. Очнувшись через минуту, открыл глаза и увидел стоящего над ним «духа».

Удар прикладом автомата по голове и снова тьма беспмятства.

Часть вторая. РАБСТВО

Снова в яме

Лейтенант очнулся на дне всё той же каменной ямы в лагере душманов. Над головой горели яростные ночные светила. Шелест и стрекотание насекомых, их суета в темноте – всё это повторилось, как в страшном сне. Но любой сон заканчивается пробуждением, а то, что ждало лейтенанта, могло закончиться теперь только его смертью. Других вариантов, скорее всего, не будет.

Утро откроет огненные глаза, и явится палач – должен же он когда-то прийти. Лейтенант попытался встать. Невыносимая боль в руках и ногах, во всём теле швырнула его обратно на каменное дно. Виски и затылок словно сверлили, рвали острой дрелью. Лейтенант равнодушно подумал, что всё-таки странно, почему он до сих пор жив.

Трое суток без воды и еды в каменном ущелье на солнцепёке, на привязи у столба, после зверского избиения, потом несколько дней изнурительного труда в лагере, побег, спуск-падение по каменному склону... Лейтенант давно уже должен был погибнуть, но, по странному стечению обстоятельств, всё ещё жив. Хотя жизни в его теле осталось совсем мало.

Только Шехерезада, только она держала его в этом мире, не давая уйти. Он это знал и даже сейчас верил, что ещё встретится с ней.

Что-то тяжелое и жёсткое легло на ноги лейтенанту. Он понял только, что это живая тварь. Когда она пошевелилась, стало ясно – змея. В темноте он не мог рассмотреть, какой она породы – ядовитая или нет. Скорее всего, кобра – их тут много, встречаются на каждом шагу. Лейтенант никак не отреагировал на новое соседство. Если не двигаться, есть шанс, что змея его не тронет. Но внутренне он был согласен

и на другой вариант. Может быть, это бог посылает ему избавление от мук.

Змея проползла по ногам, животу лейтенанта, добралась до лица, остановилась, словно прислушиваясь к тому, что творится у него внутри. Равнодушие и отстранённость сознания передавались и каждой клеточке организма. Змея чутко уловила этот ровный настрой, сползла с плеча лейтенанта, прошуршала по каменным уступам ямы и ушла в ночь.

Лейтенант мысленно последовал за ней и даже пожалел, что всё так быстро закончилось. Он не использовал шанс, данный богом. Значит, утром ему предстоит казнь. Он должен собраться с силами, чтобы суметь прожить эти несколько часов.

И вспомнился лейтенанту родной город Бийск, его улицы, переулочки, немудрёное и счастливое детство. Маленькая деревянная двадцатая школа, где он учился в одном классе с Шехерезадой... Десять лет счастья! Он тогда, конечно же, не понимал этого – просто жил, просто учился, любил Шехерезаду, даже не думая о том, что когда-то её не будет в его жизни.

Учился он хорошо, но когда зацветали черёмуха и сирень, когда весна сводила с ума всё живое, забывал об уроках, экзаменах, не слушал учителей. Восторг жизни захлёстывал

его, и школа уходила куда-то на дальний план. В классном журнале появлялись двойки. Родителей вызывала в школу Нина Петровна – строгая классная дама. Отец дома проводил воспитательные беседы, мать ругалась и даже бралась за ремень.

Милые старики! Они теперь уже получили страшный в своей безнадёжности груз-200. Мать оплакала своего непослушного сыночка, который снова, в тысячный раз ушёл из дома, не спросив разрешения матери. Ушёл, и так получилось, что навсегда.

Вспомнил лейтенант своих пацанов, с которыми играл сначала в войну, потом – в футбол, волейбол, ходил в секцию самбо.

Когда подросли, все поголовно увлеклись штангой. Тогда уже вошли в моду дискотеки, и пацаны толпой ходили завлекать девчонок. Лейтенант же всегда искал глазами Шехерезаду, другие просто не существовали для него. Вспомнились почему-то лейтенанту высокие мальвы под окном дома, где его родители получили квартиру в новой девятиэтажке. Он всегда, выходя из подъезда, останавливался возле больших ярко-розовых и тёмно-бордовых кустов, рассматривал толстые резные лепестки, гладил их руками. Цветы пахли тонко и дико, словно росли не на газоне в городе, а в раздольной степи.

Ещё нравились ему маленькие ярко-малиновые цветоч-

ки на выющихся стеблях, ютившиеся у подножия высоких мальв. Их сложное строение, живой цвет и аромат, плотно сложенные лепестки удивляли и несли какую-то загадку – казалось, неизвестный гениальный художник создал их специально для того, чтобы люди задумались над красотой и непостижимостью живой природы. Однажды он рискнул заглянуть внутрь маленького волшебного цветка, но лепестки оторвались, просыпались на землю рубиновыми чешуйками, и загадка исчезла. Больше никогда он не срывал драгоценных маленьких бутонов, лишь смотрел на них, радуясь сердцем.

Как всё это далеко – другая волшебная реальность, в которой лейтенанту уже нет места. Он заметил, что мрак ночи сменился рассветной мглой, звёзды в небе поблекли. Скоро за ним уже придут.

Лейтенант представил себе город Балхаш на берегу большого и спокойного озера – светлые высотные постройки, дома пониже, трубы заводов, лёгкие облака в рассветном небе... Где-то там, в одном из этих далёких домов, сейчас проснулась Шехерезада.

– Здравствуй, любимая! – беззвучно произнёс лейтенант, не размыкая разбитых непослушных губ.

Казнь

Его выволокли из ямы за верёвки, привязанные к ногам, протащили по каменным плитам в центре лагеря. Там уже стояла разношерстная толпа вооружённых душманов. На первый план выдвинулся всё тот же важный, отстранённо гордый военачальник в халате, расшитом серебряным и золотым бисером, увешанный оружием. Его белая чалма в расцветных лучах солнца окрасилась в розовый цвет.

– Ты нарушил правила. Ты неблагодарная собака. Тебя кормили и поили, дали работу. Ты сбежал. Будешь сидеть на цепи. Больше не сбежишь – тебе отпилят ногу, – сказал он по-русски равнодушно и отрывисто.

И тут лейтенант увидел палача. Это был худой душман, одетый в серую короткую безрукавку поверх белой рубахи. Из-под грязной чалмы смотрели весёлые, безжалостные глаза. Он приближался к лейтенанту, держа в правой руке обыкновенную ножовку.

Второй душман, низко наклонившись и суеясь, дыша в лицо лейтенанту нечистым дыханием, связал его, как барана перед закланием.

Словно в дурном сне, лейтенант увидел, как брызнула из-под пилы кровь, показалась сначала белая, потом окрасившаяся алым, кость. Он, казалось, даже не почувствовал боли – сознание отключилось так быстро, что его собственный

крик не был услышан ухом.

Братья по несчастью

Лейтенант очнулся, слева увидел облупленную стену каменного барака, справа на небольшом отдалении – резко пахнущую помойку. Он долго не мог понять, где находится. Наконец, сообразил, что барак – это кухня в лагере «духов». Толстая цепь, укреплённая в кольце на каменной стене, длиной около метра – это его поводок, как у собаки. Цепь держит лейтенанта за правую ногу.

Левой ноги ниже колена не было. Вместо неё – культя, обмотанная грязными тряпками. Тяжёлая тоска страшным грузом навалилась, как медведь. Душа завывала, заплакала беззвучно и невидимо. Колючий вопрос выплыл из глубин сознания – как и зачем он выжил? Лучше смерть, чем жизнь инвалида, цепь и рабство. Но невозможным фантастическим светом сознание нарисовало образ улыбающейся юной девушки. Из глубин далёких и недостижимых теперь пространств прошелестело милое имя Шехерезада.

Открылась дверь кухни, оттуда вывалился человек в лохмотьях, несущий ведро помоев. Взглянув в сторону лейтенанта, он остановился, оглянулся назад – на кухонный барак, поставив ведро, приблизился к лейтенанту.

– Я русский... пленный, – шепотом сказал он. Ты пролежал здесь месяц. Я думал, умрёшь – температура, бред, потеря крови, инфекция. Но ты – молодец. Я поил тебя и даже кормил. Они это разрешили. Теперь нас двое. Мы всё равно уйдём отсюда. Сейчас принесу тебе пить и есть.

С быстротой и ловкостью дикого зверя, парень подхватил ведро, вылил помой и исчез за дверью барака. Через пять минут он появился снова, неся воду в кувшинчике и кусок лепёшки.

– Делай вид пока, что ты без сознания. Несколько дней подкормишься. Потом придётся сказать, что ты очнулся. Наверное, заставят делать какую-то работу. Я пошёл.

И парень исчез в недрах кухонного строения. Лейтенант выпил воду, отломил маленький кусочек лепёшки, медленно разжевал его. Больше нельзя – будет плохо после голодания. Закрыв глаза, лейтенант как будто провалился в небытие – это был сон оживающего организма, сон от слабости и в то же время – врачующий истощённые клетки. Парень – повар, через несколько минут, выскочил из барака, забрал кувшин, остаток лепёшки и, молча, исчез.

Так прошло пять дней. За это время лейтенант узнал, что парня зовут Виктор, что они земляки, родом он из Новосибирска. Виктор рассказал, как глупо попал в плен – отошёл за скалы по нужде. «Духи» словно ждали его в этом месте.

Связали, затащили в пещеры, долго вели по каким-то каменным лабиринтам. Потом вышли наружу, везли его на лошадях двое суток, так он оказался здесь.

Для начала его избивали целую неделю, заставляли принять ислам. Когда согласился, отправили работать на кухне. Показали расправу с лейтенантом. Предупредили, что с ним будет то же, если побежит. На шестой день Виктор сообщил «духам» о лейтенанте. Тут же явился худой чернокожий душман и сказал: «Оружейный барак... Ты знаешь работу. Будешь на цепи». Лейтенанта заставили ползти вместе с громоздкой цепью до оружейного барака. Там его приковали к стене, и он вернулся к своему прежнему занятию.

Узник оружейного барака

Каждый день с раннего утра и до поздней ночи лейтенант, стоя на одной ноге возле верстака, разбирал, чистил, смазывал, снова собирал, ремонтировал автоматы, ружья, пистолеты, гранатомёты – чего только не было в арсенале пуштумов. Часто они привозили богатые трофеи – работы не убавлялось. Эта вечная мясорубка Афгана, требовала пушечного мяса и новых и новых орудий убийства.

Однажды «духи» привезли крупную партию мин. Всё тот же важный военачальник Аманулла приказал лейтенанту

осмотреть мины, установить их пригодность и обдумать, как лучше заминировать дорогу на Дарвешан. Лейтенант сразу же сказал – если не будет подробной карты, работа, скорее всего, не даст результата. Трое суток душманы совещались. Вечером третьего дня лейтенанту принесли карту. Он попросил несколько часов на составление плана.

– Через сутки объяснишь мне, где и как решил установить мины. Объяснишь, почему именно так, – заявил Аманулла. – Не вздумай врать. Я быстро найду тебе замену.

Наконец, лейтенант остался наедине с картой. Этот клочок цветной бумаги был для него волшебным билетом в другой мир. Зная расположение горных отрогов, их высоты, направления возможных проходов через скалистые массивы, отмеченные на карте, лейтенант приобретал новый шанс на побег и надежду добраться в Дарвешан. Он не думал о том, как придётся ему передвигаться в каменных ущельях или через громады скальных перевалов. Он не думал о том, что теперь он инвалид. Лейтенант знал – будет ползти, катиться по камням, передвигаться с помощью рук, зубов и так до тех пор, пока не исчезнет шанс хоть на метр приблизиться к свободе.

Изучая карту, лейтенант обдумывал то, что станет предлагать «духам». Нужна достоверность, иначе провалится его план побега. На Дарвешан есть три дороги – это пути пере-

движения кочевников-пастухов. Один из них пригоден для проезда на автомашинах. Надо убедить Амануллу в том, что первым необходимо минировать именно этот путь. Делать работу тайно – в сумерках. Ночью опасно – можно подорваться во время установки мин. Затем, не скрываясь, минировать два оставшихся прохода. Противник решит, что свободным от мин остался тот, первый путь, и начнёт движение именно по нему.

Лейтенант ещё и ещё продумывал разные варианты, но всё-таки вернулся к тому, с чего начал. Он много раз прокрутил в уме все детали того, что будет говорить, сжился с этим планом, сроднился с ним. Это необходимо, иначе его речь будет звучать неубедительно для душманов. Наконец, лейтенант понял, что готов к любому разговору с вельможным Амануллой.

Выезд на перевал

Через сутки вечером, когда солнце скрылось за кромкой гор, трое «духов» и лейтенант на лошадях отправились на перевал, где проходила дорога на Дарвешан. Их путь лежал к самому узкому месту на этой тропе, где слева вверх взмывали неприступные скалы, а справа зияла каменная пропасть. Дорога здесь круто изгибалась, убегая налево и скрываясь за кромками скальных громад.

Ехали довольно долго, стараясь не шуметь, скрываясь за кустарниками, лавируя между каменными нагромождениями, чтобы подобраться к нужному месту сбоку. Двигаться по тропе нельзя – могут заметить наблюдатели противника. «Духи» спешили, сняли груз с лошадей, распаковали мины. Один из них поочерёдно перенёс мины, пока без взрывателей, на тропу, разложил в шахматном порядке, как велел лейтенант.

Сапёрной лопаткой стали рыть углубления для мин, стараясь попадать между камней, где причудливыми пятнами серым цветом выделялась песчаная почва. Когда тропа превратилась в подобие широкой грядки, на которой выступающие булыжники чередовались с песчаными ямками, лейтенант приказал всем отойти как можно дальше, потому что теперь пришла его очередь поработать.

Укладывая мины начал с ближнего края. Делать это приходилось, стоя на правом колене, опираясь на остаток второй ноги... Уложив первый ряд и установив взрыватели, лейтенант отступил на уровень следующего ряда. Медленно и плавно опуская мину в выкопанную лунку, лейтенант ждал окрика.

Он боялся, что душманы раньше времени поймут его замысел. Но те стояли кучкой, о чём-то тихо разговаривали на пушту. Один из них держал лейтенанта на прицеле. Уже почти стемнело.

При укладке мин в четвёртый ряд, лейтенант уже оказался на самом крутом месте поворота. Ещё два ряда, и он почти скроется за каменными выступами. Неужели повезёт? Наступающая тьма в случае удачи поможет ему. Но, кажется, сопровождающие уже забеспокоились, кричат что-то. Он приподнялся, помахал рукой, успокаивающе ответил: «Всё в порядке». Это не помогло – они продолжали кричать и показывали жестами, что ему нужно вернуться.

Лейтенант, стараясь сохранить спокойную интонацию, отвечал и тоже показывал жестами, что осталось только два ряда. «Надо закончить!» – крикнул он. Аманулла ждёт!» Лейтенант понимал, что это его последний аргумент.

Как только мог быстро, он упал на каменистую тропу и пополз за спасительный поворот. Грянул выстрел, второй, началась пальба, но лейтенант уже был за каменной защитой. Он слышал, как ругались «духи», слышал, как они приблизились к минной полосе, снова ругались, кричали что-то друг другу громко и зло, но двинуться по заминированной тропе никто не рискнул. По отдельным словам и интонациям лейтенант понял, что они обвиняют во всём того, кто держал пленного на прицеле. Да, этому ротозею теперь не позавидуешь. Аманулла его повесит. Лейтенант лежал тихо, стараясь не производить ни звука, чтобы не обнаружить себя. Хотя они, конечно, понимают, что скорость передвижения безно-

гого инвалида невелика. Но тьма ночи не позволит пройти между мин. Сейчас им остаётся только вернуться в лагерь.

Снова на свободе

Наконец, голоса замолкли вдали. Лейтенант остался один на один с ночным миром гор. Он не знал, что сообщат душманы своему предводителю. Может быть, скажут, что убили его при побеге, и он сорвался в пропасть. Может быть, скажут правду. Тогда будет погоня. Надо торопиться – постараться продвинуться как можно дальше в сторону Дарвешана. По тропе ползти нельзя, а тем более прыгать на одной ноге. Мало ли наблюдателей у «духов».

Как ни крути, самое верное решение – это спуск в пропасть, потом продвижение низом по ущелью, которое считается непроходимым, на северо-восток к Дарвешану. Лейтенант понимал – спуск может закончиться гибелью, но и все другие варианты – это верная смерть от пули или мучительная казнь в лагере душманов.

Он некоторое время двигался вдоль края пропасти, стараясь найти более или менее пригодное для спуска место. Наконец, обнаружил ложбину, поросшую колючими кустарниками, уходившую вниз с неким подобием уклона. Неизвестно, где кончается этот уклон, может быть, ниже находится

обрыв, и его ждёт падение на острые камни. Но другого варианта нет.

Спуск с самого начала превратился в пытку. Усыпанные иглами кустарники, через которые лейтенанта потащило вниз, словно орудие пытки, сдирали одежду и кожу. Лейтенант едва успевал защищать глаза – если ослепнет, тогда уже надежд ни на что не останется. Он приказал себе не чувствовать обжигающей боли и помнить только одно – нужно спуститься на дно ущелья живым. Сколько времени длилось кувыркание по каменному склону – треск и грохот в ушах, новые и новые порции боли, крови, бессознательные попытки упереться во что-либо правой ногой, схватиться руками хоть за какую-то опору, лейтенант не смог бы определить. Ему казалось, что всё это продолжается уже целую вечность, и что так будет всегда. Он падал в ад, и адским был путь, ведущий в его бездны.

Наконец, сознание отключилось, наступила тьма.

Подарок Духа гор

Лейтенант открыл глаза и долго не мог понять, где находится – полусумерки, полусвет и скалы, скалы... Вместе с сознанием пришла боль. Болело всё – голова раскалывалась, руки и ноги ощущались тяжёлым грузом, тело – сплошная короста. Любое малое движение рождало жгучий пламень,

грозивший расплавить мозги и отключить сознание снова. Сколько времени прошло с тех пор, как лейтенант кровавым месивом скатился с каменной кручи? Сутки, двое или, может быть, всего час? Наверное, это неважно. Главное сейчас собрать все силы, приказать себе не чувствовать боли и начать движение в сторону Дарвешана. Пусть на метр, на два, но приблизиться к цели.

Лейтенант вспомнил уроки медитации, которые им преподавал инструктор по каратэ. Закрыв глаза, нарисовал образ своей боли в виде чёрного круга на светло-жёлтом экране. Мысленно собрал всю боль без остатка и загнал в этот круг. Медленно стал сжимать его, уменьшая в диаметре. Чёрный круг послушно освобождал всё больше светлого пространства и, наконец, превратился в маленькую точку. Вот эту точку лейтенант долго не мог стереть, но, наконец, это удалось. Боль, действительно, отступила. Первая попытка сдвинуться с места кончилась тем, что боль снова накатила удушливой волной, и лейтенант чуть не задохнулся – так резко прокололо грудь. Наверное, сломаны рёбра. Может быть, пострадали и лёгкие. Он снова повторил медитацию, стирая чёрный круг боли, словно ластиком с белого листа. Стиснув зубы, опять попытался ползти. На этот раз удалось продвинуться метра на три вперёд.

Лейтенант услышал слабый звук, похожий на глухое бор-

мотание. Прислушался – да, это ручей. Неужели ему, как и в прошлый побег, мерещится вода? Он прополз ещё метра три и увидел круглый крошечный родничок между камней на небольшом возвышении. Вода из него переливалась через край тонкой прерывающейся струйкой и падала, растворяясь между камней, уходя в песок, скрываясь под чахлыми пятнами лишайника. Живая вода в маленькой горсточке Духа скалистых гор.

Только сейчас, увидев воду, лейтенант понял, как хочется пить. Он пил и пил, припав к волшебной чаше, подаренной ему кем-то Милосердным, наверное, самим Богом. Через час он умылся, и стало легче дышать, прояснилась голова. Время шло, нужно было уходить от родника. Лейтенант понимал, как трудно будет оторваться от воды. Сознание протестовало, подсовывало тягучие мысли о том, что здесь его не будут искать, что можно побыть возле воды ещё один день, немного оправиться от травм, и тогда уже...

Но где-то на далёком плане не давало покоя другое – ощущение опасности и зов желанной цели – южного чужого города Дарвешана, который мог спасти лейтенанта, мог открыть ему дверь в тот, потерянный мир, где остались Родина, дом, Шехерезада...

Часть третья. ИСПОВЕДЬ

Звонок

Жена лейтенанта положила телефонную трубку, но почему-то не могла отойти от аппарата, словно боясь разорвать невидимую нить, которая только что связывала её с мужем. Что-то мешало и скребло глубоко внутри сознания. Всё было хорошо, он собирался вылететь домой, но сказал, что задержится только на три дня. О причине не сообщил, лишь дал понять – ничего серьёзного не случилось. Может быть, тревога родилась оттого, что срок службы лейтенанта в Афганистане уже был один раз продлён на целый год. Тогда он тоже должен был вернуться домой, но пришёл приказ – остаться на месте службы. Сейчас все сроки уже вышли, нового приказа нет, значит, всё нормально.

Марина постаралась отогнать глубинную тревогу, подошла к дочке, подала ей любимую куклу. Эту игрушку дочка называла «подарком папы», потому что бабушка, вручая куклу, сказала: «Береги её, это подарок тебе от папы». Девочка не видела отца, но хорошо знала его по рассказам мамы, бабушки и по фотографиям. Рассматривая фото, она всегда указывала пальчиком на отца и серьёзно сообщала: «Это папа. Он скоро приедет».

Ещё и ещё раз перебирала Марина в памяти все подроб-

ности телефонного разговора, стараясь понять, что же вызвало эту непонятную, но опасную, как болото, тревогу. Ничего... Только разве интонации лейтенанта – какая-то неуверенность сквозила в его голосе. А может быть, это просто показалось от усталости, недосыпания – по ночам ей часто приходилось вставать к дочке. Шахиня, так Марина называла своё милое чадо, спала беспокойно, постоянно просыпалась, требовала маму. Ей то хотелось пить, то на горшочек, то было жарко, то холодно. То вдруг хотелось к бабушке. Научившись говорить, девочка стала рассказывать сказки – то, что видела во сне.

Вчера Шахиня рассказала, что видела, как под яблоней сидел папа. Он улыбался. Красные яблоки падали ему в руки, он ловил их и отдавал Шахине. Она набрала много яблок в подол, но когда хотела унести домой, не удержала, и они рассыпались по траве. «Хочу яблок!» – заявила она маме посреди ночи.

Они пошли на кухню, достали яблоко из холодильника. Шахиня съела его и только после этого снова улеглась спать. Каждую ночь возникали новые фантазии, она часто видела сны, рассказывала их Марине, а утром всё забывала.

Её красочные истории оставались только в памяти мамы, которая собиралась записывать эти сказки, чтобы дочка, когда вырастет, могла встретиться с собой маленькой, перене-

стись в своё детство. Но пока ещё не было записано ни одной ночной истории, Марина только успела приготовить для этого новую общую тетрадь. Она хотела дать почитать сочинения дочки папе, когда тот вернётся домой.

Три дня и три ночи... Неужели вот так просто откроется дверь, и на пороге возникнет знакомый силуэт? Они расставались, надеясь встретиться через год. Тогда этот срок казался бесконечным. Но военные не принадлежат себе – разлука растянулась почти на два года. Дочка сделала первый шаг, подросла, заговорила, а отца всё не было.

Марина представляла себе Афганистан в виде бесконечных горных хребтов, вечного зноя, песчаных равнин. Теперь она понимала, что там идёт партизанская война, и наши войска нужны не просто для охраны порядка. В Бийск уже три человека вернулись оттуда в цинковых гробах. Но лейтенант писал, что, боевых действий нет, всё спокойно, и ей нечего бояться. До сегодняшнего дня Марина старалась не думать о плохом, надеялась на встречу и ждала, что вот-вот откроется дверь... А теперь, когда разлука почти закончилась, вдруг навалилась беспричинная тоска. Да такая, хоть волком вой.

Казалось, что нет сил ждать даже и одной минуты. А что такое трое суток да плюс один день на дорогу? Вечность! Марина сжала виски руками, закрыла глаза, и забормотала быстро и невнятно: «Господи! Не могу, не могу, не могу»

больше!».

Дочка, почувствовав состояние матери, притопала и встала рядом, дёрнула Марину за платье: «Мамочка, ну, мамочка же!» – жалобно требовала она.

– Всё хорошо, моё золотко! – Марина погладила дочку по голове.

Шахиня крепко обняла свою ненаглядную мамочку, и они, устроившись, на диване, стали бодаться лбами.

– Ты, моё золотко! – ещё раз сказала Марина.

– Нет, это ты моё золотко! – засмеялась Шахиня.

Им было хорошо вдвоём. А что такое «втроём с папой» никто из них ещё не знал. Марине очень хотелось сообщить дочке, что папа приедет через три дня, но что-то мешало ей сказать это. Страх обмануть маленькое безгранично верящее маме существо? Ощущение какой-то неведомой опасности или эта липкая тоска, не отпускавшая сердце?

– Молчи! – приказала себе Марина. Приедет отец, Шахиня сама его увидит и узнает.

Страшная весть

Три дня и три ночи... Космическая холодная вечность так воспринимала жена лейтенанта это пустое время, этот провал в жизни, по ощущениям равный долгому опасному по-

лёту над пропастью. Ожидание и неизвестно откуда пришедшее отчаяние, хотя на улице разгуливало по горячему асфальту лето, летал невесомый пух тополей, всё благоухало и цвело.

Но вот настало утро четвёртого дня. Марина не спала почти всю ночь. Встала в пять часов, готовила завтрак дочке, но внутренне не находила себе места. Ей хотелось мчаться в аэропорт, стоять в зале ожидания, глядя в окна на взлётную полосу, в высокое небо, в котором из синих глубин должен возникнуть серебристый лайнер...

Телефонный звонок резко ударил по нервам. Марина как-то совсем забыла о телефоне – надо было ещё вчера позвонить в комиссариат. Да-да, в девять часов она свяжется с капитаном Ивановым. Звонила её мать, спросила, поедет ли Марина встречать мужа. Можно было и не спрашивать. Разве могла она не поехать! Самая большая проблема дожидаться четырнадцати часов, когда уже можно будет мчаться в аэропорт.

Проснулась дочка. Марина накормила её и долго думала, отправить ребёнка в ясли или оставить дома, а потом вместе с ней ехать в аэропорт. Решила не беспокоить дочку заранее и, как обычно, отвела её в группу, сдала воспитательнице.

В девять часов набрала номер комиссариата, но никто

не ответил на звонок. Капитан, как всегда, опаздывал на две минуты. Наконец, Марина услышала в трубке его хриловатый баритон: «Капитан Иванов». Она помедлила и сказала: «Сергей Иванович, это Марина. Скажите, могу я сегодня встречать Новосибирский рейс?» Она не могла заставить себя спросить прямо: «Всё ли в порядке с возвращением мужа?» Глубинный страх блокировал речь.

– Марина! Здравствуй, – ответил капитан, – пока других сведений не поступало. Перезвони через пять минут, я скажу тебе точно. Не волнуйся, всё будет хорошо!

Через пять минут капитан позвонил сам.

– Марина! только начал он, а сердце у неё оборвалось и словно бы закричало. Марина! Я сейчас подъеду к тебе домой. Жди, – и положил трубку.

Полчаса спустя, когда открылась дверь, и капитан Иванов шагнул в прихожую, Марина услышала то, что уже прокричало ей сердце.

– Сегодня прибудет груз-200, – сказал капитан осевшим голосом, – это твой муж, Марина. Он погиб как герой. Только не плачь – ты жена офицера...

Она и не могла плакать. Слезы хлынут потом, спустя много дней, когда сознание впустит в себя происшедшее...

Проводы

Ей не разрешили открыть гроб, как она ни просила. Все отвечали одно и то же: «Запрещено – приказ командования». Хождения матери лейтенанта по военным инстанциям тоже закончились отказом.

Словно в страшном и душном сне, ехала Марина на кладбище. Дочка осталась у бабушки – та не разрешила Марине даже и говорить что-то о смерти отца. «Скажем ребёнку, что папа ещё долго не приедет, что он занят. Подрастёт, тогда и расскажешь, как погиб её отец».

Марина согласилась – конечно, так будет лучше. Неизвестно, что произошло бы с психикой ребёнка, который ждёт отца, а вместо живого папы видит цинковый гроб, слышит рыдания и разговоры о смерти.

Солнце пекло, словно в последние дни мира. На кладбище ни ветерка. Долго говорили красивые и печальные речи сослуживцы лейтенанта. Марина слушала, и ей казалось, что всё происходящее – неправда, что всё это сон, который вот-вот кончится. Капитан Иванов скорбно и торжественно объявил, что лейтенант посмертно награждён орденом и ему присвоено звание Героя. Залп десятка армейских винтовок заставил всех невольно вздрогнуть.

– Вот и всё! – сказала Марина. Ей казалось, что это её

хоронят. Это на крышку её гроба упали первые комья земли.

После жизни

В первое время после похорон Марина часто ловила себя на мысли, что хочет позвонить мужу. Она не верила, что лейтенант погиб. Ждала каждый день стука в дверь, телефонного звонка. Шли дни, недели, а наваждение не кончалось.

Марина ходила на работу, водила дочку в ясли, стирала, варила завтраки, обеды и ужины, но делала всё это как-то бессознательно, механически. Иногда ловила себя на мысли, что похожа на робота.

Странный сон приснился жене лейтенанта на сороковой день. Шла она вдоль горной бурной и широкой реки. Ревела вода, летели водяные брызги. И вдруг на том, далёком втором берегу, среди ярко-зелёных сосен увидела Шехерезаду такой, какой была она в десятом классе – ослепительно красивой, стройной и улыбчивой. Огромные глаза, две сияющих звезды, так и звали пойти за нею. Шехерезада помахала рукой и показала жестом – лети, мол, сюда.

И полетела жена лейтенанта над бурной и страшной рекой, чувствуя, как зелёные воды притягивают к себе, заставляют снижаться, хватают за ноги своими упругими мощны-

ми струями. Изю всех сил старалась она подняться повыше, но никак не могла преодолеть этого магнитного притяжения.

Уже по пояс в воде, скоро утонет по плечи и не сможет больше взлететь. Жадный поток увлечёт её, как соломинку, закрутит, бросит на дно, и погаснет солнце на небе, и исчезнут сосны...

– Шехерезада! Помоги! – крикнула она громко... Многократное эхо мощной полифонической мелодией ответило ей, отражаясь от скал и снова возвращаясь к ним.

Шехерезада легко и высоко поднялась в воздух, пронеслась над зеленоводой рекой, выхватила из её недр Марину и опустилась на берегу.

Жена лейтенанта на миг потеряла сознание, а когда очнулась, Шехерезады уже не было рядом. «Я же ничего не успела ей сказать! – ужаснулась Марина. Она спасла меня, а я...»

Сон, словно живая явь, не отпускал сознание и днём и на следующий день. Жена лейтенанта постоянно мысленно возвращалась на берег горной реки. Спрашивала себя, почему она не смогла перелететь реку, а Шехерезада летала, как Ангел легко и просто? И где-то в глубинах сознания она видела ответ – это грех тянул её к земле и не давал подняться к облакам.

Исповедь

Прошло полгода со дня смерти лейтенанта, но жена продолжала ждать его, надеясь однажды услышать знакомый стук в дверь – муж всегда стучал, а не звонил. Такая была у него привычка. Постепенно пришло убеждение, что жизнь как-то может измениться, если Шехерезада узнает всю правду и простит Марину. Однажды жена лейтенанта поздно вечером, присев на кухне за стол, положила перед собой несколько листов бумаги и стала писать.

«Прости меня, Шехерезада! – так начала она своё послание. – Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане. Я, конечно, понимала, как он любил тебя. Так было всегда, с самого раннего детства. Я уверена – любил до последнего часа. Улетая в Афган, он просил меня назвать дочь твоим именем. И я не посмела послушаться. Мою дочь зовут Шехерезада. Шахиня – так я называю её. И дочь, и свою жизнь с лейтенантом я украла у тебя.

Помнишь, как ты перед отъездом в город Балхаш оставила мне твой адрес. Ты просила передать его лейтенанту. Просила передать ему также, что ждёшь его. Ты не знала одного – моих желаний. Я же хотела идти по жизни только рядом с ним. Никто другой мне был не нужен. Никогда не подавала виду, что люблю его, знала о ваших отношениях. И тут судьба кинула мне в руки такой шанс! Конечно, я не могла его упустить. Я не понимала... нет, не хотела понимать, что

ломаю ему жизнь. Мне казалось, смогу сделать его счастливым, ведь я так любила!

Шехерезада! Я тогда смогла убедить его, что ты вышла замуж и отправилась в Балхаш с молодым мужем. Он пережил страшный шок. Долгое время жил как робот, делал то, что нужно; ходил, куда было нужно; возвращался домой, но не чувствовал жизни. Теперь я понимаю его состояние и сама живу после похорон какой-то картонной жизнью. Это Бог вернул мне то, что я когда-то породила на свет.

Я тогда, словно убила его. Могу представить, что происходило с тобой все эти годы. Ведь я тогда убила и тебя. Знаю, что ты не создала семьи. Понимаю, что ждала его. Прости меня, если сможешь!

За всё, за всё на этом свете приходится платить. Отбрав лейтенанта у тебя, я не приобрела ни счастья, ни его любви, ни семейной жизни. Только дочка осталась мне от него, но она странным образом похожа на тебя и носит твоё имя. Отца она не видела ни разу – родилась, когда он находился в Афгане. И муж знал дочку только по фотографиям.

Мы схоронили его, но мне постоянно кажется, что не было никаких похорон, ведь мёртвым своего мужа я не видела. А ещё я чувствую, что если ты не простишь меня, то ни моя жизнь, ни жизнь моей дочери не будут осмысленны, и я бо-

юсь – ей тоже придётся расплачиваться за мои грехи.

Ты должна бы, наверное, ненавидеть меня уже за одно то, что какое-то время я жила рядом с ним и родила ему дочь. Но я знаю, что это не так. Ты не можешь ненавидеть, и душа твоя светла. Я видела тебя такой во сне. Если сможешь, приезжай в Бийск. Мы должны встретиться и поговорить. Приезжай, я буду ждать. Марина».

Утром она отправила письмо. Сбросив его в почтовый ящик, почувствовала облегчение, словно сняла с плеч тяжёлый груз, который несла много лет. «Буду ждать ответа», – сказала себе жена лейтенанта.

Жизнь катилась дальше, не взирая на горе, счастье, радости и огорчения. Но ощущение пустоты не проходило. Ничто не могло заполнить этого жуткого необъятного вакуума, который родился на свет в минуту потери и, захватив душу, не собирался её отпускать так просто. Марина понимала, что теперь ей придётся жить с этим. Мысленно она постоянно возвращалась к тому дню, когда лейтенант приехал в Бийск после окончания военного училища. Был ясный весёлый день в конце июня. Душа её пела, легко и свободно плавала в синем небе между летучих летних облаков. Но ощущение праздника вдруг погасло. Случилось это сразу после того, как Марина сообщила лейтенанту, что его любимая Шехерезада вышла замуж и уехала, не оставив ему даже

записки. Улыбка, до этого момента блуждавшая по его лицу, ещё минуту автоматически держалась в уголках губ, а потом медленно сползла куда-то вниз – как будто в небытие. Марина испугалась, увидев какое действие произвели её слова. Ей хотелось крикнуть: «Не верь мне!» Но промолчала. С каждой минутой лейтенант словно терял частицу живой жизни, глаза его погасли, лицо стало серым. Марина поняла, что он вот-вот заплачет.

– Извини, – сказала она фальшивым голосом, – мне нужно идти.

И она ушла, оставив его одного до завтра. А на следующий день, он безразлично согласился на всё, что Марина предложила: принять её сочувствие, ехать вдвоём к месту его службы.

Правда, он сказал, что может добраться и один, но Марина, стараясь говорить как можно проще, по-дружески, сообщила: «Я не брошу тебя сейчас в таком состоянии. Довезу до места, а там будет видно!»

Рано утром она отправилась с портфелем в руках в дом лейтенанта – поезд уходил в восемь утра. Город ещё спал, шаги её рождали гулкое эхо, следовавшее по пятам. И вдруг какой-то странный звук заставил Марину остановиться. Прислушавшись, она поняла, что это кричит охрипшим голосом котёнок. Животное пищало, словно захлёбываясь в болотной жиже. Марина осмотрелась, обошла пятиэтаж-

ку вокруг, заглянула в соседний двор – везде сухо, луж нет. Канализационных люков тоже. Откуда же этот крик? Совершенно явственно, будто котёнок тонет в полуметре от неё. Крик не затихал, и Марина поспешно пошла прочь. Странный звук преследовал её, не становясь тише, не удаляясь. Она снова остановилась, прислушалась – да, тонет котёнок. Но где? Вдруг какой-то животный ужас накатил на неё, мороз пробежал по спине. И Марина бросилась бежать.

Она помнит это так ясно, как будто всё случилось только вчера. Добежав до подъезда, где находилась квартира родителей лейтенанта, Марина отдышалась, успокоилась и, выбросив из головы досадный инцидент, поднялась на третий этаж. Тогда она не задумалась над тем, что это было? Сейчас сама собой пришла мысль: «Бог предупреждал её, пытаюсь дать знак: Остановись! Вернись домой!»

Не остановилась, не вернулась... И всё произошло так, как произошло.

Шехерезада

В почтовом ящике лежало какое-то послание, заманчиво светясь в прорезь белым кружочком. Шехерезада повернула ключ, открыла дверцу, и в руки ей упало письмо. Почерк незнакомый, адрес... Адрес лейтенанта.

Сердце забилося резко и часто. Она думала, что переболела этим. Нет! Всё живо и больно, как и раньше. Но почему почерк чужой? Руку лейтенанта она бы узнала даже в темноте. Дрожащими пальцами разорвала конверт, вытащила сложенные вчетверо листочки. Развернула их и прочла: «Прости меня, Шехерезада! Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане. Я, конечно, понимала, как он любил тебя. Так было всегда, с самого раннего детства. Я уверена – любил до последнего часа. Улетая в Афган, он просил меня назвать дочь твоим именем. И я не посмела послушаться. Мою дочь зовут Шехерезада. Шахиня так называю я её. И дочь, и свою жизнь с лейтенантом я украла у тебя...»

Шехерезада прислонилась к стене, чувствуя, как ослабели, а потом налились свинцом ноги. Ещё раз посмотрела на развёрнутый лист с неровным почерком: «Прости меня, Шехерезада! Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане...»

– Нет, нет! Это ошибка! – прошептала она. Сейчас я поднимусь домой, прочту ещё раз. Это не правда. Но зачем она так зло шутит?

Перешагнув порог, снова и снова пробежала глазами по строчкам, не веря написанному. Потом села на диван и прочла письмо до конца. Все невыплаканные слёзы, страшные годы ожидания, бессонные ночи, когда она прислуши-

ввалась к каждому звуку на лестнице, надеясь услышать знакомые шаги – всё это вырвалось из глубин души тихим воём. Так воют собаки от безнадёжности, одиночества и ночной жути.

Потом хлынули слёзы. Она плакала и не могла остановиться. Выла и плакала. Время исчезло. Сознание умерло. Шехерезада осталась один на один со смертью. Теперь жить было незачем. Всё потеряло смысл. Она даже не вспомнила, что оставила входную дверь открытой, не заметила, когда вошла соседка. Не понимала, о чём та спрашивает, почему тормозит её.

Нисколько не удивилась, когда перед ней возникла женщина в белом халате – врач. Что было дальше, Шехерезада не помнила. События как-то выпали из памяти. Это случилось потому, что происходящее уже не имело для неё никакого значения...

Голос интуиции

Из больницы Шехерезада вернулась домой только через три месяца. За это время боль чуть-чуть притихла в душе, но не ушла. Однако странным было то, что бездна, где летала безразличная белая смерть, почему-то отступила. Первое, что сделала Шехерезада, когда вошла в дом, отыскала роковой конверт. Снова прочла письмо. Но теперь сознание оста-

новило её на других строчках: «Мы схоронили его, но мне постоянно кажется, что не было никаких похорон, ведь мёртвым своего мужа я не видела. А ещё я чувствую, что если ты не простишь меня, то ни моя жизнь, ни жизнь моей дочери не будут осмысленны, и я боюсь – ей тоже придётся расплачиваться за мои грехи...»

Шехерезада прочла эти строки несколько раз. Прислушалась к себе внутри, и откуда-то из глубин далёких гулких пространств, приближаясь и становясь всё более отчётливой, проявилась мысль: «Он жив!» Снова и снова проверяя это ощущение, она ловила сигналы подсознания, а может быть, не подсознания, а реальные послы живого организма, пронизывающие время и расстояние. Да, это его мысленный зов! Он через тысячи километров обращается к ней, и подсознание ловит живые волны близкого существа.

Шехерезада понимала, что так люди сходят с ума. Нужно что-то делать. Она решила ехать в Бийск, встретиться с женой лейтенанта.

В родном городе

Шехерезада бродила по родному городу, узнавая и не узнавая его улицы, переулки, дома... Она побывала везде, где весёлые и счастливые летали в облаках два юных со-

здания, наполненных любовью. Неужели это были они с лейтенантом?

Вот здесь они шли вдоль набережной, посидели на лавочке. Лейтенант купил мороженое для своей дамы. Потом они сели в трамвай и поехали в сторону новостройки, вышли на остановке около ресторана «Север» и двинулись к большому дому, огороженному высоким забором. День уже склонился к вечеру, солнце разлилось по горизонту малиновым заревом. Уже появились на востоке первые бледные звёздочки. Шехерезада попрощалась со своим спутником и исчезла за тесовыми воротами. Сегодня она договорилась переночевать у подружки Лены. Это был дом её родителей.

Однако лейтенант не торопился уходить. Стоя у забора, прислонившись к белым узорным воротам, он чего-то ожидал. Быстро темнело. Далеко на горизонте взошла огромная багровая луна. Шехерезада выглянула в окно, помахала ему рукой и показала жестом – иди домой!

А вот здесь, по улице Мухачёва они беззаботно гуляли вдоль тротуара, болтая и обнимаясь на ходу. Шехерезада остановилась, присела на скамейку, сняла ролики. Лейтенант примостился рядом. Они долго разговаривали, прижавшись плечом к плечу. Он достал из кармана книгу «Над пропастью во ржи», они читали её вместе, смеялись, опять об-

нимались, целовались.

Общаться могли день и ночь – им это не надоедало. С вокзала они однажды уехали в Новосибирск. В крайнем купе сидели друг против друга вдвоём, ели мороженое и увлечённо болтали.

Лейтенант пересел на её сиденье. Они угнездились рядом, обнимались, целовались... Мимо мелькали лесополосы, сёла, станции, деревеньки... Дорога показалась им очень короткой. Они думали, что так будет всегда.

Разлука пришла после окончания десятого класса. Лейтенант поступил на учёбу в Красноярское высшее военное училище, а Шехерезада провалила экзамены в Красноярский университет. Родители настояли на её возвращении в Бийск.

Лейтенант и Шехерезада поклялись, что всё равно не расстанутся. Она приезжала в Красноярск, он – в Бийск на каникулы. В тот же год она поступила в Бийский пединститут. Конечно, они собирались пожениться.

Быть вместе, совсем вместе им пришлось только один раз. Всего полдня настоящего сияющего счастья. Произошло это в их любимом городе Бийске.

На следующий день лейтенант уехал сдавать выпускные экзамены.

Больше им встретиться не довелось. Остался город с его улицами, набережной, мостом. Стоит большой дом с тесовыми воротами, где жила подруга Лена. Вокзал всё также шумен и суетен, и поезда уходят в дальние края каждый день, оттолкнувшись от перрона, как корабли от пирса. Шехерезада бродит по улицам города... Но где же теперь лейтенант? В какие дали улетела душа его?

Только через неделю после приезда в Бийск решила Шехерезада пойти к жене лейтенанта, в тот дом, где жил он чужой, уготованной ему не Богом, а другим человеком жизнью.

Встреча

Шехерезада поднималась по ступеням той лестницы, по которой ходил он столько лет один, без неё. Здесь был его дом. Его одного – без неё. Тысячи раз переступал он порог этой квартиры. А теперь Шехерезада стоит перед железной дверью, собираясь тоже войти сюда. Одна – без него.

Жена лейтенанта открыла дверь, молча отступила в коридор, пропуская гостью в дом. Шехерезада увидела на вешалке между другими вещами старый китель лейтенанта и быст-

ро отвела глаза, боясь непрощенных слёз и преодолевая желание зарыться в этот китель лицом. В зале, куда она прошла, увидела маленький цветной глобус, стоящий на столе в углу. Это был его любимый предмет. В старших классах он подолгу рассказывал Шехерезаде о разных странах, показывая на глобусе те города, реки и пустыни, о которых шла речь. Под швейной машинкой стояли его туфли, на гвоздике за дверью виден был ремень с железной пряжкой. Казалось, сейчас откроется дверь второй комнаты, и он войдёт, улыбаясь, и скажет: «Где же ты была всё это время? Я так ждал тебя!»

И дверь, действительно, открылась. В зал выглянула девчушка лет двух. Она внимательно посмотрела на Шехерезаду, потом на мать, и снова на Шехерезаду. Улыбнулась ещё сонной улыбкой. Да, это была его дочь. И улыбка тоже его.

– Поздоровайся с тётей, – сказала жена лейтенанта. Девчушка спокойно подошла к Шехерезаде, наклонила голову набок и произнесла: «Меня зовут Шахиня, а тебя как?»

– И меня так же, – ответила Шехерезада.

– Шахиня? – удивилась девчушка.

– Да, Шахиня. Мы с тобой тёзки.

– Мама, что такое «тёзки»?

– Это два человека с одинаковыми именами, понятно?

– Понятно, – задумчиво протянула Шахиня, подумала

немного и снова спросила:

– А почему?

– Потому что людей много, а имён мало. На всех разных имён не хватает.

И Шахиня отправилась по своим надобностям, стараясь по пути переварить полученную информацию. Жена лейтенанта и Шехерезада разговаривали весь вечер и почти всю ночь. Марина рассказала о том, как лейтенант выживал после ложного сообщения о замужестве Шехерезады, как сам попросился в Афганистан, о том, что срок службы продлили потом ещё на год, и он не протестовал. Как будто знал, что там суждено закончить ему свой земной путь.

Самое обидное – то, что тремя днями раньше лейтенант мог уже улететь домой – срок службы закончился. Но злой Рок не отпустил своего пленника. Он позвонил Марине и сообщил, что задержится, но только на три дня. «До скорой встречи!» – это были его последние слова. А потом пришла страшная весть, и вслед за ней «груз 200».

Шехерезада слушала этот странный рассказ, и ей казалось – лейтенант пытается достучаться или докричаться до неё откуда-то из омута пространства.

– Он жив, – вдруг произнесла она, сама того не ожидая.

Жена лейтенанта помолчала, потом внимательно посмот-

рела на Шехерезаду и покачала головой:

– Я тоже так думала. Но теперь понимаю, что это бред. Идут день за днём – все похожи друг на друга и пусты. Эта пустота смерть.

– Извини, – тихо сказала Шехерезада. – Я не хотела тебя расстроить.

Она ушла в утренние сумерки, тяжело неся в сердце этот самый «груз-200», ощущая себя неживой и страшной. И не нужной никому. Мир надежды, в котором они с лейтенантом бродили, обнявшись, по узким улочкам города, где цвели ранние астры и падали жёлтые листья, этот мир исчез. Он ушёл куда-то глубоко под землю, как подводная лодка в толщу вязких тёмных вод...

Она снова пережила, как наяву, то время, когда ждала и не дождалась приезда лейтенанта. Это было похоже на смерть, но всё-таки она всегда знала – он жив, значит, есть надежда. Удивительно, но она не испытывала ни злости, ни ненависти к Марине – ничего! А ведь та отобрала лейтенанта у Шехерезады, обманула его и это было равносильно убийству. Марина убила сразу двоих. Она пыталась построить свою жизнь с человеком, у которого сама же вынула душу. Разве такое возможно? Конечно, нет. Поэтому лейтенант оказался на войне и погиб. Но это была только смерть тела. Она неизбежно должна была наступить вслед за опустоше-

нием души. Марина отняла жизнь и у Шехерезады, а сегодня забрала последнюю надежду...

Живыми оставались только глаза и улыбка его дочери – маленькой Шахини, так похожей на отца и почему-то на Шехерезаду. Каким-то непостижимым образом природа повторила образ его любимой женщины и соединила их в этом маленьком существе. Всё-таки соединила...

Часть четвёртая. ПОЛЗКОМ НА ДАРВЕШАН

Неисповедимы пути...

Лейтенант удалялся от родника, ощущая, как отрывает то ли от кожи, то ли от сердца, живой источник жизни. Теперь на его пути вряд ли встретится вода. Сколько сможет он протянуть? Дня три, пять? Знойное солнце съест его, высушит всю влагу из клеток. Успеет ли он за пять дней добраться не до города, но хотя бы до безопасного места, где бандиты уже не смогут открыто его преследовать.

Лейтенант полз, стараясь отключить боль, не ощущать изломанного, избитого тела. Кустарники непроходимыми колючими массивами вытянулись по дну ущелья, петляя между огромных валунов и усыпанных щебнем осыпей.

Он продвигался медленно и безнадежно колючий наждак растений снова и снова сдирал кожу с рук, лица, рвал последние лоскуты одежды. Невообразимо долго пробирался он в узких перешейках между каменными нагромождениями. Когда солнце присело на краешек скал, готовясь спрятаться за их устрашающе острыми краями, лейтенант находился уже примерно километрах в трёх от родника.

Он приказал себе не думать о жажде, но сознание упорно возвращалось назад – туда, где мерцающей живой струйкой из каменной маленькой ладони гор выливалась вода. Лейтенант пытался представить себе Дарвешан, его узкие улочки с низкими домами, зияющими открытыми проёмами дверей, через которые видны чистые дворики, тандыры, скамеечки... Туда, и только туда направлял он свою мысль, только этого города желал, словно божественного храма спасения. «Там и вода, и жизнь!» – твердил он себе.

Как всегда в горах, ночь упала быстро, словно обнажив небосвод. И на его девственно чёрном бархате вспыхнули огненные звёзды. Стало холодно. Лейтенанта знобило. И хотя он решил ползти и ночью, тело протестовало против движения, просило отдыха. Он закрыл глаза, прислонился щекой к неостывшему камню и мгновенно уснул.

Давно потерянный сознанием образ Шехерезады снова

явился ему в виде сияющего Ангела, сидящего на куполе мечети в Дарвешане. Лейтенант пытался взлететь и добраться до Ангела, чтобы дотронуться до его крыльев. Он даже ощутил шёлк белой жемчужной поверхности правого крыла, которое ему удалось достать. Но лейтенант не смог долго удерживаться на уровне купола и стал падать, всё быстрее приближаясь к земле.

Он зажмурил глаза, чтобы смягчить силу удара о каменную мостовую – ему казалось, это поможет. И действительно, удара не было. Он опустился на мостовую целый и невредимый. Закинув голову, посмотрел вверх, ища глазами Ангела. Но купол мечети сиял золотом в лучах полдневного солнца, и было невозможно рассмотреть, есть ли кто там, на высоте...

Сколько продолжался сон, лейтенант сразу не сумел определить. Это могло быть как несколько часов, так и несколько минут. Вокруг по-прежнему колдовала глубокая южная ночь. По углу поворота созвездий он решил, что проспал примерно три часа. Пора было снова в путь, ведь он для лейтенанта, избитого, израненного, не имеющего запаса воды, потерявшего ногу, словно дорога до центра галактики бесконечен и вечен...

Непрошенный гость

Первая попытка начать продвижение вперёд принесла такую мучительную, разрывающую всё тело боль, что потемнело в глазах, и лейтенант невольно застонал. Но, не обращая внимания ни на что, он пополз вперёд. И снова началась пытка – мириады игл кустарников, оберегающих ущелье от чужаков, впивались в кожу, сдирая едва-едва подсохшие струпья, снимая остатки кожи на руках. Лейтенант чувствовал, что слёзы сами собой текут из глаз, и он ничего не может с этим поделать.

– Дарвешан! хрипел он, делая очередной рывок, – Дарвешан!

Это чужое слово, имя города, стало его заклинанием талисманом, обещавшим жизнь. Лейтенант полз, плача от боли и жажды, ничего не слыша, кроме шипящего голоса колючих ветвей. Но вдруг, где-то на далёком, очень далёком плане, он услышал новые, чуждые шуршанию растений звуки.

Он остановился, прислушался. Кровь пульсировала в венах, тоже рождая звуковое эхо, подобное далёкому гулу. Но тот, услышанный им в пространстве звук, был не похож на голос крови. Звук напоминал рыдания или протяжную песню. Услышанный в очередной раз, он не оставил сомнений – это звучала песнь горного волка.

Животное находилось пока где-то очень далеко. Звуки

позволяли определить, что волк движется вверху по перевалу. Лейтенант замер, стараясь не производить даже малейшего шороха. Он знал, что слух волка идеален для охоты. Так же, как и его нюх. Вот с этим уже ничего не поделаешь. Содранная до мяса кожа – верная приманка для хищника. Остаётся только надеяться, что волк всё-таки не сможет на таком большом расстоянии уловить запах добычи.

Лейтенант пролежал без движения примерно полчаса. За это время ни разу до его слуха не донеслась протяжная дикая мелодия. Он решил, что волк ушёл на безопасное расстояние, и нужно во что бы то ни стало двигаться вперёд.

И снова пытка – мириады игол кустарников, сдирая едва-едва подсохшие струпья, снимая остатки кожи на руках, впивались в уши, в спину, в ноги... Лейтенант снова глотал солёные слёзы, не в силах остановить их. Он превратился в железный механизм, не чувствующий боли, не знающий усталости – продвижение вперёд, хоть на метр – но только в сторону Дарвешана, это стало его единственной задачей.

Он взбирался ползком на огромные валуны, перегораживающие ущелье, сдирая до мяса ногти. Потом сползал с них с другой стороны, пятась задом как большой раненый краб. Одежда его превратилась в чёрные лохмотья. Такими же чёрными были руки и лицо – пыль толстым слоем налип-

ла на ободранную кожу. Наконец, вдруг разом обессилев, он остановился. Время клонилось к вечеру. Солнце висело уже низко на западе, готовое вот-вот упасть за каменный занавес гор. Лейтенант понял, что без отдыха не сможет дальше двигаться. Он как бы смирился с этим, хотя сознание упорно посылало вперёд. Он понимал, что любая остановка работает против него. Жажда, раны и нечеловеческое напряжение убивают быстро. А где-то ещё рыщет горный волк и, скорее всего, не один. Но глаза закрылись сами собой, и лейтенант провалился в сон, на этот раз словно упал в небытие, в какое-то глубокое и гулкое пространство, похожее то ли на смерть, то ли на реку забвения.

Он спал, привалившись к серому камню, укрытый колючей стеной полусухих кустарников; спал, несмотря на то, что тело его стало похоже на кровавый комок, усыпанный пылью, укрытый чёрными лохмотьями. Не чувствуя боли, не испытывая страха или отчаяния, он спал на дне дикого непроходимого ущелья, которое стало единственным убежищем для него на земле, пока жив, пока дышит, пока может думать...

Пробуждение

Разбудило его солнце, первым скользящим лучом дотронувшись до струпьев на щеке. И это невесомое прикосновение отозвалось болью – так реагировал на любое воздействие

измученный организм. Сознание лейтенанта не хотело признавать, что эта маленькая живая точка на теле каменных нагромождений, словно попавшая в капкан мышь – это он сам. Дорога на Дарвешан через непроходимые дебри ущелья вдруг ясно представилась ему чередой бесконечных пыток, которые не могут закончиться ни чем иным, кроме гибели.

Тихий вой удивил и испугал его, но секунду спустя он понял, что это его собственный стон. Лейтенант знал, что не имеет права расслабляться, бояться или сомневаться, иначе...

Он рванулся, упал на каменную россыпь и пополз вперёд. Снова вперёд – на Дарвешан. Он – робот! Он – механизм, подобный луноходу. Его задача – пройти через любые преграды! Этот мысленный тренинг, перевоплощение в механизм, действительно, помогало – уходила боль, он забывал о жажде. Но стоило только на минуту стать человеком, как наплывали волны почти осязаемого бреда – лейтенанту казалось, что совсем рядом, за очередным валуном журчит ручей.

Он лихорадочно прорывался через сонмы игл, срывавших с него остатки лохмотьев и кожи, туда, где должен быть родник, но только безжалостные колючие дебри и раскалённые солнцем камни встречали его. Воды не было и не могло быть.

К полудню он вдруг потерял сознание, хотя, собрав все силы, мыслимые и немыслимые, давно запретил себе впа-

дать в беспамятство. Обморок продолжался недолго, но лейтенант понял, что ресурсы организма заканчиваются. Скоро он не сможет двигаться вообще.

Часть пятая. НАЕДИНЕ С ВОЛКОМ

Забравшись в короткую тень, лениво лежащую под валуном с северной стороны, лейтенант решил отдохнуть несколько минут. Раскалённое солнце медленно и верно делало своё дело – вода неумолимо уходила из клеток. Становилось всё тяжелее дышать. Лейтенант закрыл глаза – малиновое марево качалось перед его взором, явственно закручиваясь в огненную воронку.

Прошла минута или две. Лейтенант приоткрыл правый глаз, готовясь мысленно к продолжению пути. Напротив него в густых зарослях колючих кустарников стоял большой седой волк. Лейтенант, не шевелясь, оглядел боковым зрением пространство, убедился, что волков больше нет. Значит, это старик-одиночка. Наверняка голодный. Два существа смотрели друг на друга. Прозрачные умные, полные дикой силы глаза зверя, не мигая, уставились в измученные глаза человека. Лейтенант знал, что ему нельзя отводить взгляда. Это может спровоцировать прыжок волка, который расценит такое поведение человека как отступление, признание силы противника и сигнал к нападению.

Через минуту волк отвернулся и, отойдя несколько назад, лёг на землю. Лейтенант понял, что он в осаде. Ничего другого теперь не оставалось, как ждать. Сколько продлится это противостояние, неизвестно. Всё зависит от случая. Если что-то или кто-то, например, другой зверь, привлечёт внимание волка, он может и уйти. Но терпение зверей сродни терпению человека, и волк может сторожить свою жертву до тех пор, пока не поймёт, что пора нападать.

Лейтенант решил попробовать прогнать своего непрошеного сторожа. Он дотянулся правой рукой до куска щебня, поднял его и бросил в сторону волка.

– Уходи! – прохрипел лейтенант.

Но волк даже не шелохнулся. Ни брошенный камень, который упал с недолётом, ни хрип человека его не испугали. Он был уверен в своей безопасности и не нападал только потому, что пока не оценил до конца силы своей жертвы. Но ему понадобится немного времени, чтобы понять это.

Лейтенант попытался отползти от камня и хотя бы на метр продвинуться вперёд. Он хотел увидеть реакцию волка. Может быть, зверь не рискнёт нападать, и тогда можно будет продолжить путь. Пускай, оглядываясь, постоянно настороже, но всё-таки двигаться.

Волк, казалось, никак не отреагировал на манёвры лей-

тенанта, поэтому тот позволил себе увеличить скорость, если так можно было назвать его черепаший усилие. Он полз, удаляясь от зверя, как будто чувствуя спиной его гипнотический взгляд. Продвинувшись метров на пятьдесят, лейтенант с левой стороны в кустарниках обнаружил спокойно лежащего старого знакомца.

– Чёрт с тобой! – выдохнул лейтенант. – Но если ты хочешь жить, не советую на меня нападать – я перегрызу тебе горло. Пускай и ты сделаешь то же самое, но пойми, тебе лучше остаться целым и невредимым. Иди, лови коосулю. Она тебя не тронет. А я не твой! Ты усвой это!

Волк слушал хриплые звуки речи, и казалось, он понимает всё. Лейтенант двинулся дальше. Волк снова остался лежать на месте. Это было похоже на игру в кошки-мышки. И опять через пятьдесят метров лейтенант увидел серого в кустарниках с левой стороны. Он спокойно лежал, как будто всегда был здесь.

– Старый козёл! Нашёл с кем играть! Я тебе ещё раз говорю – уходи по добру по здорову! – спокойно сказал лейтенант и двинулся дальше.

Он полз, теперь уже не обращая внимания на волка – похоже тот пока настроен на изучение обстановки. Надо пользоваться этим. К вечеру лейтенант устал так, что продви-

жение дальше стало просто невозможным. Нужно было отдохнуть и поспать. Но как спать, если рядом зверь. А волк, не меняя тактики, следовал за лейтенантом по пятам. Он явно ждал удобного момента.

– Слушай, серый, оставь свои игрушки. У меня дома маленькая дочь, она ждёт отца. Знаешь, что это такое? Ты знаешь, а вот я ещё и не понял. А ещё там, далеко, на берегу большого озера живёт красивая женщина. Ты и не видел таких. Твои волчицы ей в подмётки не годятся... Так что, тебе здесь делать нечего. Иди прочь, найди козулю или какого-нибудь барсука.

Зверь слушал хрипкое человечесье бормотание и понимал, что сил у его живой добычи остаётся меньше и меньше. Но почему-то ему, старому охотнику, становилось с каждой минутой всё скучнее. Он любил запах крови, но этот человек не возбуждал в нём желания убить его. От измученного существа не исходили волны агрессии или страха, от которых у волка вставала дыбом шерсть на загривке.

Каким-то странным инстинктом зверь понимал, что этому человеку *нельзя умереть*.

Потерявшая прошлое. Повесть

История основана на событиях, происшедших в конце 90-х годов прошлого века, но все совпадения с реальными людьми случайны

1.

Она нашла себя на железнодорожном полотне, шагавшей по коричневым шпалам. Рельсы убегали вдаль по высокой насыпи, сверкая на солнце. Далеко внизу лежала жёлтая согра с тонкими, как спички, белыми берёзками в пёстрых платочках. По всем признакам собиралась осчастливить Землю ранняя весна.

Солнце щедро припекало, от земли между шпал поднимался прозрачный пар. Понятно было, даже не прикасаясь рукой, что шпалы тёплые – высушены и прогреты так, что хотелось пробежаться по ним босиком.

Где-то стрекотали сороки, рассыпая звук, словно горох. Синицы настойчиво вызванивали пространство от земли до самого зенита. Небо, чистое и ясно-синее, звало куда-то, словно напоминая, что необязательно ходить по земле, можно попробовать и взлететь.

Она двигалась вдоль рельсов в сторону видимого вдали

города, и вдруг остановилась. Странные вопросы возникли в её сознании, словно включилась лампочка:

– Как я сюда попала и куда иду? Что это за город виден впереди?

С удивлением, нараставшим как снежный ком, она поняла, что ответов на эти вопросы у неё нет. Растерянность и ужас накатили серой колючей волной. Кровь бросилась в лицо, задрожали руки.

– Как моё имя? Кто я? – спросила она себя, и не смогла ничего ответить. – Сумочка... На плече висит дамская сумочка. Там должны быть документы. Конечно! Нужно было сразу сообразить!

2.

Она долго перебирала всё, что лежало в сумочке – компактная пудра, помада, расчёска, маленькие маникюрные ножницы, катушка белых ниток, гелевая ручка с синими чернилами, открытка, конверт, носовой платочек, кошелёк с деньгами, несколько ключей на брелоке в виде сердечка – внутри него сверкали разноцветные блёстки, переливаясь в какой-то вязкой прозрачной жидкости.

Никаких документов не было – ничего, даже какого-нибудь удостоверения или пропуска, визитки или хотя бы адреса на бумажке. Она осмотрела пальто, в которое была оде-

та. Пальто новое красивое, глубокого чёрного цвета, длинное, приталенное. Шапка норковая, тоже новая и красивая, с изящно изогнутыми небольшими полями. Сапожки кожаные с каблуком средней высоты. Осмотрела все карманы – и внутренние, и наружные. Но и там ничего не обнаружила.

Как-то сразу потеряв силы, присела на блестящий рельс и попыталась вспомнить своё имя. Где-то в глубинах сознания всплывали и снова уходили в небытие какие-то имена – Мария... Елена... Ирина... Нет, не то! Саша... Катя... Ия... Сознание не давало подсказки, не откликалось на эти имена.

– Что же делать? – сказала она вслух. Голос прозвучал глухо и незнакомо. – Даже собственный голос я не помню.

Трещали сороки, пели синицы, светило солнце, но ей казалось, что уже вечер, и вот-вот нагрянет ночь. Тревога поднималась изнутри, словно ил со дна омута.

– Нужно идти в город, обратиться в милицию. Может быть, что-то известно – например, есть заявление о пропаже человека. А может быть, встретится кто-то из знакомых, и тогда память подскажет всё остальное – сказала она себе.

Встала и пошла вперёд, ускоряя шаг. Потом почти побежала, но остановила себя – надо спокойнее, ведь ещё не известно, что там, в городе, ожидает её. А вдруг никто не потерялся, и нет там никаких знакомых, и тогда... Что тогда?

Шпалы, шпалы – бесконечные шпалы. Когда же, наконец, рельсы приведут её в город! Он приближается, но так медленно. Вот уже, слава богу, потянулись какие-то низкие бетонные здания – наверное, склады. Видны многоэтажки, впереди прямо по курсу – мост-виадук. Уже можно различить автомобили, споро пролетающие по нему над полотном железной дороги.

Наконец, она вышла на широкий проспект, который пересекал рельсы. Виадук как раз и был частью этого проспекта.

Повернула направо и двинулась в сторону круглой площади, где толпился народ – здесь располагались сразу трамвайная и автобусная остановки.

– Что это за площадь?

– Красных коммунаров, – ответила пожилая женщина с сумкой.

– А город как называется? – спросила она и увидела, как у женщины удивлённо взлетели брови.

– Это Самара. А вы что, не знаете, где живёте?

– Не знаю, – сказала она честно. – Объясните мне, как найти ближайшее отделение милиции.

– Пройдите одну остановку вдоль трамвайной линии, поверните налево – на улицу Победы. Садитесь на сорок первый автобус и езжайте три остановки. Там выйдите и спросите у прохожих. Отделение милиции – с левой стороны от пе-

рекрёстка.

– Самара, Самара... – думала она, продвигаясь сквозь толпу к улице Победы. Здесь я живу или нет? Или я попала сюда ещё откуда-то?

Она внимательно смотрела по сторонам, ожидая, что встретит знакомое здание, человека, или память вытащит некий узнаваемый образ улицы. Но память молчала.

4.

В отделении милиции за бетонно-стеклянной облезло-синей перегородкой сидел скучающий человек в форме. Он что-то писал. Постучав в приоткрытую дверь, она прошла внутрь, поздоровалась и сказала:

– Мне нужно с вами поговорить.

– В чём же дело, говорите, – откликнулся человек в форме, не отрываясь от своих бумаг.

– Дело в том, что я не знаю, кто я.

– Как это? – удивился милиционер и, подняв на неё глаза, внимательно осмотрел. Увидев, что перед ним хорошо одетая молодая женщина, не похожая на бомжа или проститутку, он удивился ещё больше.

– Расскажите подробнее, что произошло, – сказал он. – Как ваше имя?

– Имени я тоже не знаю, – призналась она. И рассказала всё, начиная с того момента, как осознала себя идущей

по рельсам.

– Неужели ничего не помните из того, что было раньше? Может быть, у вас есть дети? Обычно матери всегда помнят своих детей.

Она задумалась, погрузившись в сознание как в некое огромное пустое пространство – живой, но глухой и непроглядный туман. Ни один образ, похожий на что-либо детское, не возник в памяти.

– Нет, – сказала она, – я не могу вспомнить.

– Хорошо, давайте составим протокол, запишем всё. Потом пойдём к оператору на компьютер – он поищет информацию о пропавших людях. Может быть, что-то найдётся. Давайте запишем вас под условной фамилией Неизвестная. А имя... Какое бы вы хотели пока условное имя?

– Пусть будут две последние буквы фамилии – Ая.

– Хорошо. Даже красиво – Ая Неизвестная.

5.

– Задача не из лёгких, – сказал оператор. Надо просматривать все сайты. Общая база ещё только создаётся. Искать придётся по внешнему виду. Сейчас мы вас сфотографируем, и вы можете идти. Поиск проведём сами. На это потребуется неделя – запросим соседние города, Москву.

Он сделал фотографию с помощью компьютера.

– Ну, вот и всё пока, – сказал оператор. – Вы свободны.

– Но мне некуда идти, – тихо пробормотала Ая.

– Да, конечно. Сейчас решим этот вопрос. Как ваше имя?

– Настоящего имени я не знаю, а записали меня в протокол – Ая Неизвестная.

– Пойдёте в психобольницу. С потерей памяти – это туда.

– Пожалуйста, не отправляйте меня в эту больницу. Я вас очень прошу. Проведёте поиск, и если ничего не обнаружится, тогда уж...

Парень замаялся, потом сказал: «Хорошо».

Оператор позвонил куда-то, попросил приютить свою подопечную на одну неделю. Потом повернулся к ней и сказал:

– Пойдёте в вырезвитель. Там есть квартира с отдельным входом – наш гостиничный номер для гостей, там плита, две кровати. Спросите медсестру Машу. Она вам откроет помещение. Деньги у вас есть?

– Есть пятьсот рублей, – сказала Ая.

– Ну, пока вам хватит, а потом посмотрим – может быть, найдутся родные. Вырезвитель – через два квартала, на улице Гагарина.

– Спасибо Вам, до свидания, – сказала Ая и вышла в коридор.

6.

Ая поселилась в скромном гостиничном номере, который, действительно, находился в здании вытрезвителя, но вход в номер – с противоположной стороны, и поэтому казалось, что это обычная гостиница. Только нет коридоров, нет других номеров с постояльцами и дежурных по этажу. Но одиночество сейчас было очень кстати – Ая всё время старалась что-то вспомнить из прошлого, как-то заставить память открыть свои кладовые – ведь были же они где-то! Но пока ничего не удавалось. Память не отвечала на сигналы. Ни команды, ни образы внешнего мира не действовали.

Всю неделю Ая старалась ездить по городу, пытаюсь вспомнить хотя бы какую-нибудь улицу, магазин, остановку или здание.

Она каталась в метро, выходила на разных станциях, бродила возле них по улицам. Но ни одна из них не вызвала пока никакого отклика в сознании. Ая поняла только, что метро – это не новость для неё. Значит, раньше она уже пользовалась таким транспортом. Но было это в Самаре или где-то в другом городе, не ясно.

Тогда она решила пересесть на трамвай. Добралась пешком до улицы Двадцать Второго Партсъезда и решила прокатиться в первом подошедшем к остановке вагоне – это был

девятнадцатый маршрут.

7.

Трамвай медленно и упорно стал одолевать длинный пологий подъём – катился, подвывая, всё в гору, и в гору. Потом повернул направо, налево. Пробрался по широкой улице между светлых девятиэтажек. Когда вагон в очередной раз поворачивал направо, Ая вдруг ощутила желание выйти. Но, осмотревшись вокруг из окон трамвая, не нашла ничего знакомого, поэтому выходить раздумала. Решила ехать до кольца.

Кольцо оказалось совсем недалеко от последнего поворота. Вагон проплыл мимо строящегося православного храма, опутанного деревянными и металлическими лесами, и оказался на довольно широкой площади.

– Поляна Фрунзе, – объявил женским голосом трамвай, – конечная.

Ая вышла на площадь, прошлась вокруг, внимательно пригляделась к храму, к цветным высотным жилым домам. Особенно ей понравилась раскинувшаяся вдали и внизу пойма Волги, расцвеченная коричневыми, зеленоватыми, жёлтыми кустарниками, на которых кое-где сохранились прошлогодние сухие листья.

Память и на этот раз не подсказала ей ничего. Ая вернулась к своей приветливой гостинице тем же путём – на двенадцатом трамвае.

8.

На следующий день она прокатилась по четвёртому маршруту. Пролегал он через весь город – длинное кольцо охватывало и промышленные районы, и большую часть старого центра. Самара понравилась Ае. Она смотрела на город глазами приезжего, ведь ни этих улиц, ни площадей не держала в себе её память. Всё казалось новым, как бы увиденным впервые. А может быть, так и было на самом деле.

Она вслушивалась в названия остановок, стараясь уловить что-то знакомое в этих словах: улица Советской Армии, пединститут, улица Карбышева, Овраг подпольщиков, дом культуры «Звезда», проспект Ленина, железнодорожный вокзал, улица Тухачевского, автостанция «Аврора»... Больше всего Ае понравился Овраг подпольщиков и проспект Ленина.

В Овраг трамвай, действительно, спускался по длинному склону, но оврага там, конечно, не было. На этой остановке с таким романтичным названием уютно устроилось трамвайное кольцо и маленький служебный домик, куда и отпра-

вились на пять минут водитель с кондуктором. Часть пассажиров вышла, часть осталась в вагоне. Ая спросила у соседа по сиденью, не пойдёт ли трамвай обратно. Оказалось, что четвёртый маршрут ходит только в одну сторону. А в обратном направлении можно уехать, но уже по маршруту с номером двадцать три. То есть, оба трамвая ходят одним и тем же закольцованным путём, но навстречу друг другу.

Такое не часто встречается. Ая призадумалась, стараясь разбудить память – может быть, она вспомнит эти два трамвая, бегающие по одному маршруту навстречу друг другу. Но нет, всё это воспринималось как новая информация.

Только через два часа вернулась Ая на ту остановку, с которой началось её путешествие. Самара не хотела рассказывать ей о совместном прошлом. Может быть, его просто не было никогда.

9.

Ая не теряла надежды вспомнить какие-то детали из прошлого, катаясь по городу. Сегодня она снова доехала до понравившегося ей Оврага и пересела там, на кольце, на трамвай под номером двадцать.

Этот вагончик с квадратным красно-белым лицом увёз Аю в старый центр Самары. От проспекта Ленина свернул он в сторону Волги и несколько раз поворачивал ступеньками

всё вниз и вниз, пока не достиг улицы Фрунзе.

Здесь трамвай повернул налево, обогнув мрачный величественный католический собор. Ая внимательно рассматривала острые высокие шпили, готические двери, узкие окна. Такую картину память не должна была забыть, если, конечно, Ая видела этот собор раньше. Но память упорно молчала.

– Улица Ленинградская, – равнодушно сообщил водитель.

Ая вышла наружу и долго бродила по красочной шумной улице, на которой гудела ярмарка, и двигался поток людей. Она надеялась, что встретит кого-нибудь, кто окажется знакомым. Или некто окликнет её в толпе по имени. Она не знала, что это будет за имя, но если человек обратится к ней, тогда...

С улицы Ленинградской Ая переместилась на улицу Высоцкого, здесь тоже толпилось много людей – на круглой площади было несколько конечных автобусных пунктов.

Потом она перешла на площадь Революции. Здесь столпотворение не уступало ярмарке – это было узловое кольцо многих автобусных маршрутов.

Ая с надеждой бродила среди людей, внутренне ожидая услышать зовущий её знакомый или незнакомый голос. Но никто не обращал внимания на элегантную даму в чёр-

ном – мало ли таких дам в больших городах.

Молчала память, не желая выявить в плотном тумане забвения хоть какую-нибудь деталь из прошлого.

10.

Странно, но Ая постоянно ждала телефонного звонка. Ей казалось, что вполне кто-то может вспомнить о ней и позвонить. Здравый смысл подсказывал, что это невозможно. Никто не знает, где она находится. Никто не знает номера телефона в этой квартире, которая встроена, словно кирпичик, в большое здание печально-весёлого заведения. И всё-таки она ждала.

Ждала, когда пила крепкий сладкий чай с булочкой. Ждала, когда лежала в тёплой ванне. Ждала утром и вечером. И даже ночью.

Телефон и вправду зазвонил, но это был оператор милицкого компьютера.

– Приходите завтра в десять ноль-ноль. У меня есть для вас хорошая информация, – сказал он ровным голосом, но Ая услышала в этих спокойных интонациях довольную нотку человека, вручающего драгоценный подарок.

– Скажите сейчас, – заволновалась она.

– Нет, я не могу говорить всё это по телефону. Придёте завтра и сами увидите, а сегодня я должен срочно отлучиться

по служебной надобности. Вы уж извините, что заставляю ждать. Не волнуйтесь, всё будет в порядке.

Ая сидела, всё ещё держа трубку в руке, и странная жгучая радость заполняла её, выливаясь откуда-то из сердца. Неужели кончится этот плотный туман, который отнял у неё целую жизнь! Неужели она сможет вспомнить, кто она, кто её родственники, может быть, дети?

Ей стало страшно. Почему-то захотелось остаться здесь, в этой уютной гостиничной квартире и никуда не ходить, ничего не узнавать. Пусть всё будет так, как сейчас. Она понимала, что это секундный порыв, просто страх перемен, который заложен в каждом живом существе. Конечно, она не знает, что её ждёт, но все-таки оператор сказал – всё будет хорошо. Надо верить в это. Раз он сказал, значит так и есть.

11.

– Ну, вот – смотрите, – пригласил оператор, уступая Ае место перед компьютером.

На светлом фоне в окне с левой стороны, занимая половину экрана, смотрело на Аю её собственное лицо. Справа она прочитала: Марина Жарптица, 1970 года рождения, жительница г. Самары, блондинка, рост 165 см, глаза синие, лицо овальное, особые приметы – маленькая родинка на правой

щеке. Была одета в черное демисезонное пальто, кожаные коричневые сапоги с каблуком средней высоты, в норковую шляпку. При себе имела чёрную дамскую сумочку небольшого размера.

Ушла из дома 22 марта 2001 года на работу и не вернулась. Всех, что-либо знающих о месте нахождения Марины Жарптицы, просим сообщить по телефону 24—14—75 или по телефону 02.

– Ну, вот и всё, – сказал оператор. Ваши мытарства кончились. Вас ищут родственники уже целый год. Они здесь, в соседней комнате. Приготовьтесь – сейчас вы их увидите.

– Да-да, конечно, – растерянно сказала Ая. Она почему-то по-прежнему мысленно называла себя так, привыкнув к этому имени за несколько дней.

Оператор распахнул дверь, и из смежной комнаты появились незнакомые люди – молодая женщина, очень похожая на Аю, пожилая женщина, тоже неуловимо чем-то похожая на них обеих, и мальчик лет десяти.

– Марина! – воскликнула пожилая женщина и бросилась к Ае. – Ты жива!

Она обнимала Аю, целовала её, и та чувствовала, как тёплые слёзы текут по щекам этой женщины, но вспомнить, кто это – Ая не могла.

– Мама! – крикнул мальчик. – Мама, это я! Ты узнаёшь

меня?

Ая погладила его по светлым волосам, таким же, как и у неё самой.

– Узнаю, сынок, – сказала она, чтобы не обидеть мальчика. Но вспомнить его Ая не могла, хотя напрягала память так, что разом заболела голова.

– Ничего, – пыталась успокоить Аю молодая женщина, так похожая на неё. – Ты ещё вспомнишь всё.

Она говорила это потому, что поняла – Ая никого не узнаёт, не помнит даже сына.

12.

– Марина, я – твоя младшая сестра Рина. Нас так и называли: ты – Марина, а у меня – часть твоего имени Рина. Это наша мама. Её зовут Нина. Фамилия у меня и у мамы Аринины. А у тебя фамилия твоего мужа Жарптица. Красивая фамилия, редкая. Ну, вспомнила?

Ая покачала головой – нет, она не помнит, ничего – ни имён, ни фамилий. Ей было стыдно, но память не откликнулась на эту осязаемую живую информацию.

– А это – твой сын, Славик. Марина, помнишь его? Сына помнишь?

– Кажется, помню, – неуверенно сказала Ая.

– Вот на фото твой муж – Павел. Он сейчас в командировке, завтра должен приехать домой. Помнишь, где твой дом?

– Не совсем... Одна я не смогу его найти.

– Конечно, мы отвезём тебя домой. Поехали! – сказала Рина и взяла Аю за руку. Я уверена – дома ты всё вспомнишь!

Ая видела, как плачет пожилая женщина, которую Рина назвала их мамой. Слезы текли и текли по её щекам, глаза сияли – ведь она снова обрела дочь, хотя ещё вчера не надеялась на это. Бесконечный страшный год – бездна неизвестности – разделяла их. Но вместе с радостью Ая заметила в глазах матери мимолётный, однако явственно проступавший страх. Не только дочь не узнавала своей матери, но и мать почувствовала нечто чужое в родной дочери. Она не понимала и не верила, что можно не помнить *никого*, даже собственную мать и собственного сына.

13.

Они дружно вышли из отделения милиции, и Рина повела всех к трамвайной линии.

– Смотри, Марина, и вспоминай! – сказала Рина. Мы едем к тебе домой, в твою квартиру, в твой район на улицу Солнечную. На каком трамвае мы должны ехать, помнишь? Славик, ты не подсказывай.

Они стояли на той же остановке, откуда Ая начала свои путешествия по Самаре.

– На девятнадцатом? – спросила она наугад.

– Можно на этом, а можно на седьмом. Ты вспомнила или угадала?

– Угадала, – созналась Ая.

– Ну, ничего ещё вспомнишь, – подбодрила её Рина.

К остановке подкатил седьмой номер и все вошли в вагон. Седьмой маршрут повторил путь, проделанный Аей на девятнадцатом трамвае. Она хорошо помнила, как ехала по городу в цветном вагончике, как он свернул сначала направо, потом – налево, и покатил всё прямо и прямо между светлых многоэтажек, пересекая несколько улиц, и в том числе – одну очень широкую и шумную под названием «Московское шоссе».

Вспомнила она и ту остановку, на которой у неё появилось желание выйти. Это была как раз улица Солнечная. Но она тогда не вышла из трамвая, потому что не вспомнила ни названия улицы, ни своего района.

14.

Действительно, на том последнем повороте недалеко от кольца, где Ая чуть было не вышла в свою первую поездку, находилась остановка Солнечная. Они втроём перешли трамвайные пути, потом пересекли широкую улицу Но-

во-Садовую, и двинулись вниз в сторону Волги, вольно раскинувшейся вдали на просторной пойме. Спускались по криковому тротуару узкой улочки мимо строящегося большого дома из красного кирпича, мимо какого-то низкого служебного здания, стоящего в зарослях кустарников и деревьев. Слева на пригорке среди сухих диких трав Ая заметила большой сероватый мраморный крест на таком же пьедестале. Справа чуть ниже по улице стояла маленькая православная церковь с позолоченным куполом.

– Ну, что – вспомнила что-нибудь? – спросила Рина.

– Мне кажется, что этот крест и эту церковь я видела когда-то, очень давно.

– Это уже хорошо, – обрадовалась Рина. Значит, память начинает работать. Так постепенно ты и вспомнишь всё.

– Может быть, – откликнулась Ая и тут же поправилась, – Должна вспомнить!

Улица Солнечная пролегла по самому краю заросшей кустарниками поймы реки. С одной стороны на Солнечной стояли цветные высотки. Они вольно карабкались вверх по склону до самой улицы Ново-Садовой. С другой стороны – раскинулись дебри диких кустарников, сбегавших всё ниже и ниже, вплоть до песчаного берега Волги.

Ветер с реки дул прямо в лицо, гнал по небу быстрые белые облака, светило солнце – улица оправдывала своё название. Здесь и вправду было светло, ветрено и солнечно.

– Ну, говори – куда нужно идти? – сказала Рина.

– Не знаю, – ответила Ая после раздумья.

– Ладно, Славик, веди маму домой, – разрешила Рина.

– Пошли, мама, – сказал мальчик и взял Аю за руку.

Они повернули налево и направились к цветному десятиэтажному дому, стоявшему за каким-то сооружением, наминавшим не то больницу, не то спортклуб. Мальчик вошёл в первый подъезд, потом – в лифт. Квартира находилась на восьмом этаже.

– Марина, помнишь свою дверь? – спросила Рина.

Ая постояла с минуту, разглядывая то одну, то другую дверь, но узнать *свою* не смогла. Память упорно молчала.

– Смотри, вот твоя дверь. Вспоминай – эту узорную зеленую обивку заказывала ты сама. Помнишь? Приходил мастер и работал целый день, чтобы всё классно выглядело.

– Давай войдём внутрь, может быть, там я найду какую-то яркую деталь, – попросила Ая.

15.

Квартира понравилась ей – большая прихожая, просторная кухня, две комнаты, окнами выходящие на разные стороны здания, одна – с балконом, другая с лоджией. Особенно хороша была большая комната с окнами на Волгу. Такие дали открывались из окон, что хотелось стоять и смотреть, или выйти в лоджию и полететь туда, где видна была широ-

кая ещё не полностью освободившаяся ото льда река.

Всё понравилось Ае – и новая мебель, и красивые серебристые жалюзи на окнах. Одно было плохо – она не помнила этой квартиры, и ни один предмет в ней не показался ей знакомым. Нет, конечно, она когда-то видела такие квартиры, бывала в них, ничто не удивило её, не показалось новым. Но всё-таки ощущения, что эта квартира именно её, не возникло.

Ая присела на пухлый бархатный диван, внимательно осмотрелась, вслушалась в свои внутренние подсказки, но память молчала.

– Давайте попьём чаю, – предложила Рина, – авось и вспомнишь, как готовила обеды и мыла посуду, а?

– Да, хочется горячего чая, – подтвердила Ая, – я пошла на кухню, похозяйничаю немного.

– Что же произошло? Почему Марина не помнит ничего? Нужно идти к врачу, нужно восстанавливать память, – сказала Рина, когда Ая вышла из комнаты.

– Да, нужен психиатр. А может быть, и хирург – вдруг всё это из-за травмы? – согласилась мать Рины.

– Подождём приезда Павла. Пусть Марина увидит его – может быть, это будет тот самый человек, который разбудит память. Хотя... Если она не помнит сына, то скорее всего и муж не поможет. Но посмотрим, тем более что ждать

недолго.

16.

Павел открыл дверь своим ключом, вошёл в дом и замер – перед ним стояла его жена Марина, живая и невредимая. Он растерянно рассматривал её, словно видел в первый раз в жизни. Сердце его забилося так, что, казалось, вот-вот стук оборвётся. Да, это Марина – её лицо, глаза, улыбка... Марина, которую он уже не надеялся когда-либо увидеть. Целый год – никаких вестей, ни звука, ни телеграммы или телефонного звонка.

– Марина! – прошептал он. – Ты жива!

– А ты – Павел? – спросила Ая, смутившись и отступив назад.

– Марина! Это я, ты не узнаёшь меня?

Ая молчала, внимательно вглядываясь в его лицо, стараясь уловить знакомые чёрточки, может быть, какое-то слово, интонацию...

– Павел, Марина забыла почти всё, что было раньше. Но она вспомнит – нужно подождать, – сказала Рина, выходя из кухни.

– Марина! Ты не помнишь меня? Совсем не помнишь?

Ая пристально смотрела на этого светловолосого красивого мужчину. Она очень хотела вспомнить хоть что-ни-

будь – может быть, знакомое движение руки, выражение лица, на худой конец – вещь, например, рубашку или пиджак.

– Завтра мы пойдём к врачу – будем восстанавливать память гипнозом, – сказала Рина.

– Да, конечно, нужно к врачу, – согласилась Ая.

17.

– Та-ак, – произнёс врач, отрываясь от своих записей, – на что же мы жалуемся?

– Я привела к вам сестру. Её зовут Марина Жарптица. Год назад моя сестра ушла утром на работу и пропала. Несколько дней назад нам позвонили из милиции и сказали, что Марина нашлась – сама явилась в отделение, но пришла потому, что не знала, кто она. Они даже записали её условно – Ая Неизвестная. Своего имени она не помнила. Всё, что было в прошлом, для неё сейчас тоже белое пятно. Она не помнит никого из родственников, даже сына и свою мать.

– Всё, что рассказала ваша сестра, это правда? – спросил врач, обращаясь к Ае.

– Да, всё правильно. Я не вспомнила даже себя. Я не могу считаться Мариной. Я до сих пор называю себя Ая Неизвестная. Мне почему-то легче так вписываться в жизнь. Ни свой дом, ни квартиру, ни одну из вещей в доме и никого из родственников я не узнаю. Для меня – это совершенно новые люди.

– Скажите, а в квартире, в городе, в метро вы ориентируетесь нормально? – спросил врач.

– Да, хотя город, именно Самару, я воспринимаю тоже как что-то новое – для меня здесь нет знакомых улиц, нет зданий, которые я бы хорошо помнила, я не видела ни одного знакомого лица, хотя много ездила на общественном транспорте.

– Ну, что ж, я выпишу вам кое-что, будете принимать в течение недели. Потом придёте ко мне ещё раз. Если за это время вам не станет лучше, попробуем другие методы.

– Спасибо, доктор, – сказала Ая, – до свидания.

Они вышли с Риной из кабинета, пробрались по коридору, заполненному больными, и спустились в раздевалку.

– Будем надеяться, что эти лекарства тебе помогут, – сказала Рина.

– Будем надеяться, – эхом отозвалась Ая. – Я очень хочу всё вспомнить, иначе мне придётся начинать жизнь заново. И самое обидное, что не с начала, а с какого-то момента, который я не выбирала.

– Ничего, – взяла её за руку Рина, – главное, что ты жива. Могло быть и хуже. А сейчас – как-нибудь перетопчемся. Правда, же?

– Ты права. Надо жить, двигаться вперёд, тогда память, может быть, и откликнется.

Ая решила съездить на своё предприятие, где она работала ещё год назад. Это был Самарский жиркомбинат. Рина сказала, что пока Марина Жарптица числится на комбинате ведущим технологом, никто не увольнял её. Но человека на её место уже приняли, ведь работу, которой занималась Марина, нужно делать каждый день.

Рина рассказала, как проехать до комбината, и Ая отправилась на улицу Ново-Садовую, на ту самую остановку Солнечную. Она поднялась в гору тем же путём, каким шли они в первый раз вчетвером к её дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.